

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

46

МЮНХЕН 1987

СОДЕРЖАНИЕ

В. Пирожкова. "Вера без дел мертва есть"	1
И. Бушман. Трилистник скромный — в твой венец лавровый	3
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	13
В. Зарубин. Погоня за стариками	24
В. Пирожкова. Германская социал-демократия	26
В. Сидоров. Еще о тресте (Окончание)	32
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	36
Д. Штурман. "Ничего нет легче!"	43
В. Рудинский. "Новый мир" №№ 1—2, 1987	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№46

Сентябрь 1987

Мюнхен

В. ПИРОЖКОВА

"ВЕРА БЕЗ ДЕЛ МЕРТВА ЕСТЬ" (Ап. Иаков)

Мужественный о. Глеб Якунин, только недавно выпущенный из концлагеря, написал вместе с группой также мужественных верующих открытые письма как новому генсеку, так и патриарху Пимену и всем архипастырям русской православной Церкви. В более коротком к генсеку и более длинном и пространном письме к патриарху Пимену эта группа верующих высказывает то, что апостол сказал в одной краткой фразе. Церкви (так же как и другим религиозным общинам) в СССР запрещено творить то, без чего вера становится мертвой, запрещено творить дела любви. По сей день остается в силе постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., согласно которому Церковь не смеет творить дела любви и милосердия, создавать больницы, санатории, дома для престарелых и инвалидов, детские дома, благотворительные общества, кассы взаимопомощи и пр. Средствами, которые имеются у Церкви, последняя имеет право распоряжаться только "для удовлетворения религиозных потребностей". Но, как указывают подписавшие письмо, что такое "религиозные потребности" определяют не сами верующие люди, не Церковь, а атеистическое государство! Что оно может знать об истинных потребностях верующих?! На это указывают авторы письма. Творить дела любви — это одна из первейших религиозных потребностей христианина. "Возлюби ближнего своего как самого себя". И судить Господь будет за то, накормил ли голодного, одел ли нагого, посетил ли больного или заключенного. И на это указывается в письме: больные, умирающие в государственных больницах (а других больниц нет) лишены духовной поддержки и духовного напутствия, если они верующие или хотя под конец жизни пришли к Богу.

Но не только дел — Церкви не хватает и слов! "Постановление" 29-го года было принято в те времена, когда многим казалось, что религия, еще чуть-чуть подышав на

ладан, вскоре сама прекратит свое затянувшееся существование. Тогда вопрос об ее "отмирании", давно решенный теоретически, хотели быстро решить практическими методами. Но Церковь выстояла, не умерла, и мы веруем, что ее вера и сегодня так же молода и неистребима, как и в первые века ее существования. Мы веруем, что такой же она пребудет и впредь, ибо стоит на камне истины. Но той же верой продиктована и наша тревога о ней.

Да, наша Церковь и не думает отмирать, но жить она обречена как бы в состоянии длительного и ставшего уже привычным удушья. Ей не хватает дел, ей не хватает и слов. Молитва, иногда проповедь в пределах храма — это допускается как "удовлетворение религиозных потребностей". Внешнеполитические заявления со стороны высоких представителей Церкви — и это допускается как официально разрешенная "миротворческая деятельность". И все. Авторы могли бы написать, что так называемая "миротворческая деятельность", которая, увы, включает в себя и требования мести, несовместимые с евангельским заветом любви, и много ложных данных, **требуется** властью от иерархов. Но мы понимаем, что авторы, написавшие и так очень смелое письмо, ограничились этим указанием. Впрочем, в письме есть и острая критика. Мы к ней вернемся. Далее авторы продолжают: "Как будто истина, которую она в себе хранит, не нуждается еще и в иных, еще во многих словах, обращенных к ее сынам, обращенным ко всему миру. Ибо мы исповедуем религию слова: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" — так начинает свое Евангелие св. Иоанн Богослов" ("Православная Русь", №11, стр. 2).

Авторы пишут, что Церковь не может существовать в немоте. Проповедь в храме не может заменить школы, систематического религиозного воспитания. Но все это запре-

шено как "религиозная пропаганда". Авторы смело требуют катехизации, "которая проводилась даже в древнеримских катакомбах", специальных детских, молодежных, женских кружков. Они требуют свободы издательской деятельности (см. "Г.З." №44, где мы писали, что все это Церкви запрещено).

Авторы пишут о творческой инициативе верующих людей, об их духовной свободе, об их праве отзываться на актуальные жизненные вопросы. Единственный журнал, издающийся Церковью, содержит только крохи богословия и существует как бы вне времени. Авторы требуют права на свою свободную культуру. "Церкви должны быть когда-нибудь даны уста для живых, человеческих, а не для одних поздравительных или веками затверженных речей, чтобы свободно учить, назидать, наставлять, проповедовать, открыто говорить о своих нуждах, открыто возвещать то, что она считает истинным, наконец, открыто, не таясь, строить собственную культуру, ибо мы исповедуем религию свободы, потому что нам сказано: "Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Иоан, 8, 31-32)" (Там же, стр. 3).

С горечью описывают авторы, какой государство представляет людям Церковь своей пропагандой и своими постоянными запретами и окриками. И еще горше звучат дальнейшие слова: "Не трудно представить себе, каким самосознанием, каким самочувствием должна обладать Церковь, живущая десятилетие за десятилетием под недремлющим оком всех этих направленных на нее запретов и уличений. И потому сегодня, когда средства массовой информации доносят до нас все более свободные голоса писателей, хозяйственников, государственных деятелей, мы нигде не слышим ее голоса. Потому ли, что Церковь знает, что единственной свободой на общественном вольном поприще, которой она пока обладает, все еще остается свобода публичных и гласных заявлений о том, что нигде, никогда и ни в чем она, Церковь, не испытывает притеснений со стороны государства. И надо сказать, что правом на такую свободу и гласность она в лице своих представителей пользуется и на самом деле довольно широко" (стр. 3). Видна вся боль авторов за то, что иерархи Московской патриархии не решаются хоть попытаться поднять голос или... хотя бы промолчать и не пользоваться широко **такой** "свободой и гласностью".

С горячим призывом к тому, что за гражданами, являющимися одновременно христианами, должны быть признаны права быть этими христианами полностью, открыто и свободно, авторы перечисляют следующие 12

пунктов, которые необходимо провести в жизнь и которые говорят о:

"1. Широком открытии новых храмов (закрытых в прежние времена или вновь построенных), в особенности в тех районах, где на огромные пространства и на миллионы людей приходится пока лишь одно-два молитвенных здания.

2. Значительном увеличении тиражей Библии, массовом и доступном издании Евангелия для рядовых верующих.

3. Пересмотре явно устаревшего законодательства о культах (который, как мы знаем, уже начался), отмене многих унижительных запретов, неприемлемых для христианской совести или жестко ограничивающих деятельность священнослужителей.

4. Разрешении проводить внебогослужебные беседы в храме, разъясняющие основы православного вероучения.

5. Устранении любых форм давления на детей, родившихся в верующих семьях или желающих быть христианами. Мы считаем, что и для общества полезнее хорошие христиане, чем номинальные пионеры.

6. Возвращении Церкви ряда монастырей, закрытых в последние десятилетия, и прежде всего Киево-Печерской Лавры, все еще живой болью отзывающейся в народной памяти.

7. Возвращении Церкви святых мощей Святителей Московских Петра, Филиппа, Иоанна, Гермогена, пребывающих в настоящее время в Успенском соборе в Кремле, а также возвращении некоторых особо чтимых икон, находящихся в музеях.

8. Предоставлении Церкви доступа к государственным средствам массовой информации.

9. Издании древней и современной литературы, отражающей Предание и историю Православной Церкви.

10. Открытии при храмах религиозно-богословских библиотек, доступных для рядовых прихожан.

11. Упразднении ограничительных средств, насильственно сковывающих жизнь Церкви. Освобождение таинства Крещения и таинства венчания от принудительной регистрации — лишь первый шаг в этом направлении (допущенный пока лишь в немногих храмах).

12. Признании за Церковью права на "милость к падшим": на посещение священником больницы, психиатрических лечебниц, мест заключения" (Там же, стр. 4).

Авторы пишут, что они сознают трудность всего этого. "После стольких лет оцепенения, онемения, безгласности она (Церковь) должна как бы заново учиться двигаться и говорить" (стр. 4). Но авторы умоляют патриарха Пимена и иерархов "не упустить уникальный исторический шанс, который Господь посылает нашей родине и нашей Матери-Церкви"

(стр. 4). Они напоминают, что "не люди существуют для Церкви, но Церковь существует для людей, ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Матф. 20, 28).

Мы не преувеличим, если скажем, что эти письма, особенно письмо патриарху, являются самыми важными документами нашего времени. Неверующие могут счесть эти слова за преувеличение, но мы убеждены, что если бы Церкви и с ней всем исповеданиям и религиям удалось бы добиться свободы и независимости, отделения от государства, если бы Церкви удалось зажечь полной жизнью, если бы она сама всеми силами к этому стремилась и ей удалось бы порвать пути или добиться, что их бы сняли, то это было бы началом великого раскрепощения всех, преодолением безбожной идеологии как го-

сударственной насильственной, гнетущей доктрины, тяжелого груза, давящего все живое. А если бы остались убежденные марксисты, то их безусловно малое число не удержало бы шагов той великой духовной свободы, о которой пишут авторы писем.

Ответ иерархов, однако, был, к сожалению, таким, каким его и следовало ожидать. К верноподданическому адресу по отношению к советскому правительству и высказываемой радости по поводу 70-летия октябрьской революции митрополиты Ювеналий и Филарет (о последнем см. "Г.З." №45) накинудились на о. Глеба Якунина и грозили ему репрессиями.

И все же не будем терять надежды. У Господа все возможно. Может быть, и иерархи Московской патриархии еще задумаются над этим письмом.

Ирина БУШМАН

К 150-ЛЕТИЮ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ ПОЭТА

ТРИЛИСТНИК СКРОМНЫЙ — В ТВОЙ ВЕНЕЦ ЛАВРОВЫЙ...

...Пушкина отрицали и поощряли, о Пушкине говорились гениальные речи, у Пушкина были гениальные хулители, ученые разбирали его на все лады. Что требуется от того, кто заговорит о Пушкине теперь? Такому смельчаку... все зачтется в вину...

Блок о книге Мережковского "Вечные спутники. Пушкин", 1906.

Листок первый: ТЕПЕРЬ МОЯ ПОРА!

Можно ли принять всерьез это восклицание Пушкина из отрывка "Осень" (1833), или оно является только тропом поэтической речи? Поэты — неверный народ, увлекающийся: сегодня, плененный суровой волшебницей или грустной красавицей, поэт готов восславить ее за счет робкой юной прелестницы, завтра — наоборот?..

Среди произведений Пушкина пейзажная лирика занимает видное место, а из времен года разве только лету он уделяет сравнительно мало внимания, что характерно, впрочем, не для одного только Пушкина: потосковав по лету в зимнюю стужу, неблагодарные лирики довольно редко вдохновляются его зеленым однообразием, сменяющим цветение лугов и деревьев, часто, подобно Пушкину в том же стихотворении, в разгар зноя "справляют поминки" по зиме и только с наступлением дождей и холодов начинают опять грустить о лете. У Пушкина лето угадывается в прощании с Тригорским ("Простите, верные дубравы" — 1817), в отрывке Вновь я посетил... (1835), в 7-й главе "Онегина" — перед приходом Татьяны в усадьбу Евгения:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;

Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбакий... (XV)

или в "призрачном сумраке" и "безлунном блеске" белых "задумчивых" ночей — Пишу, читаю без лампы... ("Медный всадник"), но оно почти никогда не названо — разве при перечислении времен года или как "кариатура южных зим" в 4-й главе романа.

Что же до того времени года, которое принято считать самой любимой темой поэтов, то о нем в отрывке "Осень" сказано резко: "Я не люблю весны". Такие строки, как начало 7-й гл. "Евгения Онегина" ("Тонимы вешними лучами...") несколько смягчают эту гиперболу, но Пушкин очевидно не доверяет поре, несущей беспокойство (Кровь бродит, чувства, ум волненьем стеснены...), и даже принятая в поэзии параллель с юностью у него лишена оптимизма. "Мне вас не жаль, года весны моей", — заявляет он несколько преждевременно, едва достигнув совершеннолетия, но десять лет спустя уже с искренней горечью замечает:

Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья...

Кратковременна и обманчива весенняя радость и для любимой героини Пушкина, о которой в третьей главе сказано:

...Пора пришла, она влюбилась;
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено...

С нежностью Пушкин говорит только о самой ранней, едва выравшейся из зимних оков весне, например, — в редко цитируемом, даже почти забываемом нами "Еще дуют холодные ветры" (1828), написанном тем русским говорком, которым, как правило, Пушкин пользуется в сказках, а не в лирике. Среди элегантных, в большинстве рифмованных и всегда ритмически четких строф Пушкина этот маленький шаткий vers libre выделяется именно так, как беззащитная северная весна меж всех других — каждое по своему — роскошных и живописных времен года...

Зиму Пушкин любит и изображает равно мастерски во всех ее проявлениях — от бодрящей яркости "Зимнего утра" или домашней уютности "Зима. Что делать нам в деревне?" (1828) до устрашающей тьмы с заунывной музыкой и колдовскими выюжными танцами в подобных заклинаниям хореях: "Зимний вечер" (1825), "Зимняя дорога" (1826) и "Бесы" (1830). Пушкинская Татьяна проходит сквозь зиму от пробуждения при первом снеге до пророческого сна под Крещение — как через откровение, от своего именного бала до ранней могилы Ленского — как через долину смерти; потому-то в последней главе романа при случайной встрече с Онегиным после его неуместного признания в слишком поздно вспыхнувшем чувстве, —

...У! Как теперь окружена

Крещенским холодом она!.. (XXXIII, подчеркнуто мной. И. Б.)

Не стоит повторять сказанное мною ранее в обзоре зимней темы в русской лирике (см. Рождественский выпуск Библиографического Бюллетеня Толстовской библиотеки), а потому — довольно о зиме.

Ни одно время года Пушкин не изображает с такой нежностью и таким многообразием, как осень. В отличие от большинства поэтов, он любит ее не только в парче и солнечном сиянии, но и в нищете ненастья, не изменяет своей любви к ней, ни называя ее печальной, ни даже браня ее скучной. Вспомним... нет, вовсе не начало "Лицейской годовщины" 1825 года ("Роняет лес багровый свой убор...") и не того же года строки:

Цветы последние милей

Роскошных первенцев полей...

Вспомним даже и не строфы XL и XLI из четвертой главы "Евгения Онегина" — вспомним "Графа Нулина":

...В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)

В деревне скучно: грязь, ненастье,

Осенний ветер, мелкий снег

Да вой волков. Но то-то счастье

Охотнику!..

И далее, когда Наталья Павловна, скучая, смотрит из окна на картину, столь же насыщенную эстетикой безобразия, как в гоголевском Миргороде:

...Меж тем печально под окном

Индеек с криком выступали

Вослед за мокрым петухом.

Три утки полоскались в луже,

Шла баба через грязный двор

Белье повесить на забор,

Погода становилась хуже —

Казалось, снег итти хотел...

И несколько иной является еще одна осень в седьмой главе "Евгения Онегина", по словам самого Пушкина, построенного по календарю:

...Настала осень золотая,

Природа трепетна, бледна,

Как жертва, пышно убрана (XXIX).

Эта последняя осень Татьяны в родных местах сливается в одно с душой самой героини, покидающей тепло провинциального уюта и уходящей в холод большого света.

Так же интимна и неразрывна связь с осенью самого Пушкина, не просто дружественная — родственная. Рожденный в мае — в разгар "нелюбимого" им времени года — Пушкин переживает второе рождение в октябре, с поstuплением в только что открывшийся Царскосельский Лицей, который полностью заменяет ему семью. В творчестве Пушкина уделяется много места и внимания предкам и родословной, но не родителям, и даже стихотворные послания сестре или эпиграммы и шуточные письма в адрес дяди, тетюшек и брата не достигают той сердечности, которой дышит все, в разные годы опубликованное под датой 19 октября, или "Чем чаще празднует Лицей" (1831), или "Была пора: наш праздник молодой" (1836), которой полны посвящения Дельвигу, Пушкину, даже Кюхельбекеру, на долю которого доставалось и немало едких насмешек, даже Горчакову, дружба с которым рано увяла по вине князя. Но ведь именно в лицейском послании к нему Пушкин пишет:

...Твоя заря — заря весны прекрасной,

Моя ж, мой друг, осенняя заря...

Впрочем, по собственному признанию, Пушкин этим не слишком огорчается:

...Не стану я жалеть о розах,

Увядших с легкою весной;

Мне мил и виноград на лозах,

В кистях созревший под горой.

Краса моей долины златной,

Отрада осени златой,

Продолговатый и прозрачный... (Виноград, 1824).

С идеей жатвы (в значении подведения итогов) связано и торжество лицейского выпуска, хотя оно имело место в январе.

Пушкину в это время, конечно, еще рано подводить какие бы то ни было собственные итоги; даже итоги школьных лет подведет он только много лет спустя — в терцинах "В начале жизни школу помню я" (1830), в которых под "величавой женой" можно равно подразумевать и Музу, и Карамзину. Название стихотворения, прочитанного Пушкиным перед экзаменаторами, — "Воспоминания в Царском Селе", — дерзость по наивности, естественная для юнца, которому почти еще нечего вспоминать и которым еще недостаточно осознано даже то, о чем он вспоминать уже мог бы. Пушкин сам понял это уже вскоре, потому и начал в зрелый период творчества (1829 г.) умышленно в том же размере новое стихотворение под тем же названием (Воспоминаниями смущенный...), в котором прогулка по царскосельским паркам сравнивается с возвращением блудного сына в отеческий дом. (Стихотворение, к сожалению, осталось незаконченным). Но размер и строфика юношеских "воспоминаний в Царском Селе" (Навис покров угрюмой ночи...), его испещренный архаизмами и славянизмами язык, граничащий с "высоким штилем", и одновременная гибкость ритма с усеченными строками — все

это было не просто подражанием: выпускник-лицеист уже проявил впервые характерную для него особенность — умение подвести в рамках единственного произведения итог целого многолетнего поэтического творчества (позднее — даже целого литературного течения). Присутствовавший на экзамене Державин узнал себя, отраженного и неискаженного, и "в гроб сходя, благословил" своего преемника, разумеется, не предугадывая дерзновенной простоты слога, которую тот внесет в поэзию, без страха перед негодованием многих критиков и некоторых читателей. Впрочем, разве для своего времени и сам Державин не бывал дерзновенно прост?

Строфы VII — XI отрывка "Осень" представляют собой как бы развернутое изложение в стихотворной форме написанного из Москвы за три года до того письма Плетневу: "Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает... Еду в деревню..." (31 авг. 1830 г.). Эти строки являются прологом к тем нескольким месяцам жизни Пушкина, которые дали русскому литературоведению особый термин, означающий самый плодотворный период творчества писателя, — "Болдинская осень".

Листок второй: ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ

Десять дней спустя после приведенного выше письма Пушкин пишет тому же Плетневу уже из Болдина: "...что за прелесть здешняя деревня!.. степь да степь, соседей ни души; ...пиши дома, сколько вздумаешь, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины и прозы и стихов".

Это обещание Пушкин сдержал, о чем радостно сообщает Плетневу по возвращении в Москву: "Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: две последние главы Онегина 8-ю и 9-ю, совсем готовые к печати. Повесть, написанную октавами (стихов 400), выдадим Апопуге [Подразумевается "Домик в Коломне". — И. Б.], несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: "Скупой рыцарь", "Моцарт и Сальери", "Пир во время чумы" и "Дон Жуан" [название, отличное от окончательной редакции, подчеркнуто мной. — И. Б.]. Сверх того написал около 30 мелких стихов. Хорошо? Еще не все: (весьма секретное) написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется и которые напечатаем также Апопуге. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает".

Для лирической поэзии Пушкина Болдинская осень была даже значительней, чем для эпической, т.к. в это время был создан целый ряд лучших стихотворений, например,

"Элегия" ("Безумных лет угасшее веселье"), "Заклинанье" ("О если правда, что в ночи"), "Для берегов отчизны дальней...", четверостишие "Отрок" (о Ломоносове) и "Царскосельская статуя", а также диалог "Герой" (о Наполеоне в чумном лазарете) с вошедшими в поговорку (но, к сожалению, часто совсем неверно понимаемыми) строками: "Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман"...

Написанные в Болдине рассказы были подготовлены автором к печати в Царском Селе и вышли в 1831 г. отдельной книгой под названием: "Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изд. А.П." В литературоведении их часто называют первым завершенным прозаическим произведением Пушкина, что, однако, не совсем точно: в первоначальный их замысел (1829-го года) входила также "Повесть села Горюхина" — автобиография "рассказчика" Белкина, оставшаяся фрагментом. Это, впрочем, не умаляет значения первой публикации Пушкина в прозе, т.е. первого практического урока, преподанного Пушкиным современникам после многолетних теоретических размышлений об этом предмете. Они поражают своей зрелой строгостью — автору последующей цитаты всего 23 года: "Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них

блестящие выражения ни к чему не служат". Именно эти свойства и отличают прозу Пушкина от сочинений большинства его современников, которые, "почитая за низость изъяснять просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу... вялыми метафорами". В заметке "О поэтическом слоге" (1828) мы читаем: "Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что... мы... не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность". Тут Пушкин буквально забегаает на целое столетие вперед, когда Пастернак, говоря о "неслыханной простоте", в которую настоящий художник не может "не впасть... как в ересь", вынужден прибавить:

Но мы пощажены не будем,

Когда ее не утаим:

Она всего нужнее людям,

Но сложное понятней им.

Вот и пушкинскую прозу некоторые по сей день считают "слишком сухой"...

Наибольший интерес представляет для нас драматическая часть болдинской жатвы, хотя бы потому, что Пушкина-драматурга и сегодня можно еще назвать "Великим Неизвестным".

О сущности и значении драматургии Пушкин размышлял еще больше, чем о прозе. Каждая его критика на отдельный спектакль или на публикацию нового драматического произведения содержит меткие наблюдения о театральном жанре в целом, как и подробная "критика на критику" — его заметки на полях статьи Вяземского о произведениях Озерова (1828). Пушкин касается таких тем, как французская трагедия, испанский театр, Шекспир, Мольер и состояние отечественного театра, которое он находит плачевным и нуждающимся в реформе в "духе времени". Пушкин — один из первых читателей и критиков "Горя от ума" и после размышлений над новой пьесой приходит к заключению, что русскому театру с комедией больше повезло (к названным именам Фонвизина и Грибоедова он позднее прибавит Гоголя). Поэтому сам Пушкин начинает свою драматургическую деятельность с трагедии. О том, что заполнение пробелов в отечественной литературе, подмеченное у Пушкина Ф. А. Степуном, — действие сознательное, воспринятое как обязанность начать, чтобы другие пошли за ним (ведь литература — "мое честное ремесло"), свидетельствует письмо Пушкина к Бенкендорфу, датированное годом Болдинской осени: "Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на все сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств"...

Последнее пятилетие царствования Александра I завершается 1825 годом. Для Пуш-

кина это не только трагический год декабристского восстания, но и год одной из его величайших творческих удач: в селе Михайловском была написана трагедия "Борис Годунов". Тем самым в 1830 г. Пушкин уже далеко не новичок в области драматургии. Но и через 5 лет после написания "Бориса" у зрелого драматурга не больше возможностей воплощения своих сценических произведений, чем у 11-летнего мальчика, разыгравшего один-единешенек комедию собственного сочинения перед единственным зрителем — сестрой. Шутя — не без горчинки — Пушкин говорил о подобном положении уже в IV главе Онегина:

...Ко мне забредшего соседа,

Поймав неожиданно за полу,

Душу трагедией в углу... (XXXV)

Но, очевидно, в Болдине Пушкину так же "брюхом хочется театра", как в южной ссылке (из которой написаны эти слова), и он обращается к замыслам, частично относящимся еще к жизни в Михайловском. Обращается — не возвращается: поставив эксперимент и убедившись в удаче, Пушкин никогда не повторялся, а переходил к новым опытам — видно, чувствовал (тоже "брюхом"), как мало у него на все времени.

"Маленькие трагедии" по форме — полная противоположность "Годунову". Их предельная краткость противопоставлена хоть и лишенной длиннот, но естественно длинной трагедии "по системе Отца Нашего Шекспира". "Борис" — трагедия из русской истории; среди маленьких трагедий нет ни одной русской темы. Впрочем, как верно сформулировала Марина Цветаева:

Преодоление

Косности русской —

Пушкинский гений?

Пушкинский мускул.

Гоголь, ощутив творческий застой от неподвижности жизни, имел обыкновение бросаться в заграничную поездку, но, достигнув цели и принявшись за литературный труд, возвращался к родным темам. Бричка Чичикова фактически выехала с Piazza d'Es-ragna, по которой автор "Мертвых душ", в восторге от своей творческой удачи, прошелся вприсядку с зонтиком. А попытки Гоголя писать об Италии, которую он и любил, и знал, не дали результатов, достойных сравнения хотя бы с "Вечерами на хуторе близ Диканьки".

Для Пушкина, "запертого в необъятных просторах России", всегда рвавшегося за ее пределы и никогда не вырвавшегося (если не считать Бессарабии и Кавказа, тогда еще только номинально принадлежавших России и дававших понятие о жизни в Италии и на Ближнем Востоке), — для Пушкина не существовало русских и нерусских тем.

"Один из наших критиков, кажется полагает, что народность состоит в выборе предмета из отечественной истории, — писал автор "Бориса Годунова" в заметке "О народности в литературе". — Но мудро отнять у Шекспира в его "Отелло", "Гамлете"... и проч. достоинства большой народности. Вега и Кальдерон поминутно переносят во все части света... Ариосто воспевал... французских рыцарей и китайскую царевну. Трагедии Расина взяты им из древней истории"...

Следует, однако, заметить, что из перечисленных Пушкиным писателей многие, выбрав тему из чужой истории, изображали героев фактически своими соотечественниками и современниками, в то время как сам Пушкин старается соблюдать местный колорит и историческую обстановку. Достоевский отмечает в своей речи на открытии пушкинского памятника в Москве (1880): "...Не было поэта с такой всемирною отзывчивостью... и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении... в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном..."

О "Маленьких трагедиях" часто говорят, как о пьесах без развития действия, с одной кульминацией, — это справедливо только по отношению к "Пиру во время чумы", в котором фактически даже соблюдены все "единства" французской классической школы, принесенные было Пушкиным в жертву на алтарь Отцу Нашему Шекспиру. Но они **естественно** сопровождают фрагментарную форму пьесы, представляющей собой перевод одной сцены из драматической поэмы Джона Вильсона "Чумной город" (она привлекла к себе внимание Пушкина по аналогии с холерной эпидемией в России в 1830 году). Это единственная из "Маленьких трагедий" не вполне самостоятельная по теме, но Пушкин оживил сцену песнями собственного сочинения, и перевод намного превосходит оригинал как литературное произведение.

Подзаголовок к "Скупому рыцарю" — "Сцены из Ченстоновой трагикомедии" — не столько литературная мистификация, как камуфляж. Пушкин опасался, что его отец найдет в "Скупом рыцаре" намек на их личные отношения, которые действительно могли послужить первым толчком к созданию этой пьесы. Произведение очень своеобразно по конструкции: начальная и заключительная сцены представляют собой как бы пролог и эпилог в лицах к центральной сцене, целиком состоящей из монолога. Это "похвальное слово скупости" — фактически совершенно самостоятельное литературное произведение — держит читателя или слушателя в большем напряжении, чем интрига и события, хотя в последней сцене их немало. Эта "Маленькая трагедия" в нашей памяти неразрывно связана

с великой трагедией русской литературы — Александринский театр подготовлял ее к постановке в 1837 г., и премьера была назначена на 1 февраля. В результате гибели Пушкина она была снята с репертуара из-за опасения демонстрации.

Пушкин очень любил музыку — в любой форме, от простой народной песни до сложного оперного или инструментального произведения. Он с восторгом приветствовал рождение русской национальной оперы — Глинка был его гордостью. Но самым любимым композитором Пушкина был Моцарт, которого он называл величайшим гением и в котором равно ценил и глубину, и жизнерадостность. С именем Моцарта связаны — по-разному — обе лучшие "Маленькие трагедии".

"Каменный гость" — самая длинная и наиболее богатая действием из "Маленьких трагедий". Взяв за основу бродячий сюжет, до него уже неоднократно использовавшийся в литературе и на сцене, Пушкин по оформлению пьесы настолько близок к комедии плаща и шпаги, что даже трудно поверить словам "испанский театр мне незнаком" (Пушкин прибавляет, что не знает испанского языка — может ли быть, что он, изучивший английский язык, чтобы читать Шекспира в подлиннике, ни во что ставил знакомство с испанской драматургией через посредство перевода?). Образ главного героя у Пушкина (в то время уже отошедшего от влияния Байрона) принято считать стоящим ближе всего к молюеровскому. Но и у Мольера Дон Жуан больше тип, фигура, чем характер. Первое сценическое изображение Дон Жуана настоящим человеком пришло не через драматурга, а через композитора — музыка Моцарта подняла молюеровский образ в область чувства. Пушкин подчеркнул связь Каменного гостя с оперой Моцарта, взяв эпиграф из ее либретто. Он развивает начатую Моцартом линию: его Гуан с самого начала не безжалостен и не бездумен (вспоминание об Инесе), более того — пушкинский изменник проявляет своеобразную форму, если не верности, то постоянства (в отношении Лауры). Фактически Онегин с его "привыкнув, разлюблю..." ближе к допушкинским образам Дон Жуана, чем Гуан из Каменного гостя.

...Из наслаждений жизни

Одной любви музыка уступает,

Но и любовь — мелодия...

говорит один из друзей Лауры — это благодарный поклон Пушкина перед своим помощником по работе над Каменным гостем — перед героем другой трагедии.

Пушкина не интересовала историческая достоверность рассказа об отравлении великого композитора. "Завистник, который мог ослепить Дон Жуана, мог отравить его

творца", — заключает он свою заметку о Сальери.

По первоначальному замыслу цикл "Маленьких трагедий" представлялся автору обширнее, и каждая отдельная трагедия направлялась против какого-то одного человеческого порока. Следы этого видны в "Каменном госте" (не прелюбы сотвори) и в "Скупом рыцаре" (не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна), но в творческом процессе выяснялось, что пороки живут в человеческой душе не изолированно друг от друга, а один тянет за собой другой. В "Скупом рыцаре" центром оказалась жадность, а не клеветничество. Первоначальное название "Моцарта и Сальери" было "Зависть" — этот порок остался двигателем действия, но на первый план выступила шестая заповедь. Вопрос о неприкосновенности человеческой жизни для другого человека всегда занимал видное место в творчестве Пушкина, вероятно, "несмотря на то", а в значительной степени **именно потому**, что в своей бурной молодости он многократно дуэлировался. В "Цыганах" это единственный естественный закон народа, еще свободного от прописного кодекса. В "Бахчисарайском фонтане" убийство карается по принципу "око за око", но после этого хан даже среди битв бывает охвачен сомнением в праве отнять жизнь. Вопрос о праве строить благо целого народа на уничтожении одной маленькой (ничтожной?) жизни — центральная проблема "Бориса Годунова".

Чем больше приобщался Пушкин к творчеству, к положительному императиву "создай!", тем отвратительней становился Пушкину негативный императив "уничтожь!" Это проявляется в Онегине — в сатирическом описании подготовки дуэли, во время которой Онегин запутывается в сетях воображаемого кодекса чести, собственно противоречащего государственному закону. О том, что каждый, даже поверхностный, человек дорого платит за нарушение шестой заповеди, говорят строфы XIII и XIV шестой главы.

Но есть особая категория людей, которой поэт посвятил такие стихотворения, как "Поэт и книгопродавец", "Чернь" и др. К этой категории относится и главный герой рассматриваемой трагедии. Эти люди творят — даже пред лицом разрушения, на которое сами они неспособны. Уничтожить такую жизнь означает — разрушить целый мир. Это особо страшный грех, который неминуемо карается вычеркиванием из списка творцов, даже при наличии таланта.

О том, что в характере Моцарта много черт самого Пушкина, писалось часто. Был ли постоянный протест Пушкина против убийства таким же предчувствием, как создание Requiem'a? Чувствовал ли "брюхом"? (В него-то — помнила всю жизнь Цветаева!

— и попала пуля...)

"Моцарт и Сальери" — единственное произведение Пушкина, поставленное на сцене еще при его жизни: в 1832 г. в Большом театре (Петербург). Театр Пушкина в России фактически остался несозданным. Окончательное снятие запрета с пушкинской драматургии (это был длительный процесс) совпало с некоторым временным ослаблением интереса к его творчеству (о котором речь ниже). В то время, когда на западном театре осторожно или безжалостно сокращали купюрами Мольера, Лессинга и даже Шекспира, чтобы придать им побольше динамичности, в России пушкинские трагедии получили незаслуженную славу "несценичных" из-за будто бы чрезмерной краткости, не дающей "разгона" актерам. "Борис Годунов" по-настоящему укрепился в репертуаре собственно только как опера.

В начале нашего века интерес к пушкинской драматургии возрос: новым театральным труппам, молодым режиссерам с оригинальными идеями постановок Пушкин-драматург скорее был по плечу, чем современникам и ближайшим потомкам. Но последовавшее за революцией почти полное изгнание русских классиков со сцены нарушило нормальное развитие. Когда классики были опять водворены в театральный репертуар, Пушкину, конечно, было отведено почетное место, но от "выполнения плана по Пушкину" еще далеко до создания пушкинского театра. Присвоение тем или иным театральным зданиям имени поэта — не решение проблемы. Конечно, чем больше постановок, тем больше надежд на несколько удачных, даже очень удачных, но пока из Пушкина делают родоначальника реалистического театра, не может быть и речи о правильном его понимании — слишком много гусиных перьев поломал Пушкин при жизни именно на разъяснение значения условности как принципа театрального искусства.

"...И классики и романтики основывали свои правила на **правдоподобии**, — пишет Пушкин во время работы над "Борисом Годуновым" Раевскому, — а между тем именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения... какое, к черту, может быть правдоподобие в зале, разделенной на две половины, в одной из коих помещается две тысячи человек, будто бы невидимых для тех, кто находится на подмостках... Вспомните древних: их трагические маски, их двойные роли, — все это не есть ли условное неправдоподобие?.. Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобии".

Пока автора этих строк гримируют под поборника реализма, пушкинский театр не может достичь настоящего расцвета. Это,

разумеется, не исключает гениальных прозрений отдельных режиссеров и актеров.

* *
*

В летние месяцы 30-х гг. (не прошлого — нашего века!) в Царском Селе можно было наблюдать своеобразную картину: из поезда, прибывавшего по первой железнодорожной линии России, выходила на слегка обветшавший перрончик с легкими деревянными колоннами высокая, несколько грузная дама, черноволосая, с проседью и не то кавказскими, не то цыганскими чертами лица. Прошеествовав по Широкой улице (действительно очень широкой и самой короткой улице Царского Села), которую она слегка подмела подолом до полу длинного черного платья и бахромой белой шали, шерстяной или шелковой — смотря по погоде, она сворачивала к особняку с большим садом, где жили ее друзья. В этом доме литературные вечера и домашние концерты то подготавливались тщательно, то внезапно возникали и всегда значительно превышали любительский уровень.

Войдя в гостиную, Виктория Чекан (театральное имя жены известного актера Мгеброва) опустилась в приготовленное для нее кресло и закрывала глаза. На круглом табурете у рояля, пока еще боком к нему и опершись на крышку локтем, сидела высокая худая дама с лицом Вольтера, чуть тронутым женственностью, и с полуседыми зачесанными кверху волосами (она работала как аккомпаниатор и сорепетитор со многими знаменитыми певцами). Другие гости почти бесшумно занимали места на диване с потертой темно-красной бархатной обивкой, на таких же креслах, на стульях, дети — прямо на ковре. Иногда на одном из стульев сидел, закинув ногу на ногу, стройный молодой человек с зачесанными назад гладкими черными волосами, с большими выпуклыми глазами на

смуглом лице и резким профилем — пра-пра (не помню, сколько пра-) внучатый племянник Пушкина по линии Ганнибалов, носивший имя Александр, ставшее семейным.

Начиналась увертюра — из вариаций на тему Моцарта... смолкала... и глубокий голос, на слух неопределимый как мужской или женский, произносил негромко и задумчиво: "Все говорят, нет правды на земле..."

Чекан не применяла никаких дешевых театральных эффектов. После того, как монолог из исповеди перерастал в обвинительную речь, одной переменной интонации входил в гостиную Моцарт, неся с собой исковерканную уличным музыкантом — которого мы все, казалось, видели, — мелодию *voi che sapete*. Для антракта обычно выбиралась мелодия из Дон Жуана, тема *Requiem*'а повторялась *pianissimo* еще раз после чуть слышного "пойду, засну", а после "и я не гений?" возвращалась искалеченная *voi che sapete*, чтобы вдруг оборваться и оставить убийцу не перед сомнениями — перед полной уверенностью в собственном ничтожестве, тщетно прикрываемом от самого себя вопросительной формой.

Присутствие при каждом таком чтении открывало новую грань давно знакомой трагедии, тем более, что образ Сальери от раза до раза подвергался некоторым изменениям трактовки (многообразие зла). Моцарт с диапазоном характера от жизнерадостной поверхностности до неизмеримой глубины, от легкомысленного бездумья до пророческого провидения был всеобъемлющ и оставался неизменным.

На одном из этих чтений я (тогда еще подросток) увидела мостики, перекинутые от "правды нет и выше" к "ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь", а оттуда к заключительному "создатель Ватикана", и поняла, что Сальери покушался именно на Бога...

Листок третий: "ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ, МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ!"

Как могла родиться идея того ежегодного паломничества в духовное отечество Пушкина для чтения его произведений в сравнительно узком, не всегда идентичном кругу слушателей, описанием которого заканчивается второй листок? Разумеется, только на основе непрерывной пушкинской традиции.

Основание этой традиции относится еще ко времени жизни поэта: "Пушкин был в ту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога. Мы действительно поклонялись ему", — говорит Тургенев. Гибель поэта усилила это поклонение.

"Ничего не предпринимал я без его совета.

Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собой. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и веское одобрение свое — вот что одушевляло мои силы", — плач Гоголя, конечно, гипербола, неразделимая как с творчеством, так и с жизнью этого писателя ("Ни одна птица не долетит до середины Днепра"!)). Но Пушкин был для Гоголя действительно более чем только уважаемым критиком или — добровольным или недобровольным — источником темы произведения, но в значительной степени, тем же, чем для Пушкина был Моцарт, — солнцем гения, освещающим жизнь.

Прочно установившаяся в нашем представлении связь Лермонтова с Пушкиным обусловлена не только тем, что всероссийская известность началась для Лермонтова со стихотворения "Смерть Поэта" (при этом его ситуация была копией ситуации юного Пушкина после распространения оды "Вольность") — творчество Лермонтова начинается со смеси подражаний Пушкину и полемики с ним (полемики, впрочем, тайной, т. к. сам Лермонтов не собирался публиковать своих ранних произведений). Писавший стихи с детства, но начавший публиковаться, по представлениям XIX в., не слишком рано — с года смерти Пушкина, — Лермонтов становится жертвой созданного читателями и критиками своеобразного "закона о престолонаследии" в русской литературе.

"Tout le monde lettré siunit pour saluer en lui le successeur du poète qu'il avait célébré", — вспоминал Тургенев в предисловии к французскому переводу "Мцыри". Официальное признание высказано в 1840 году устами Белинского: "В этом юноше готовится третий русский поэт. Пушкин умер не без наследника". Извне и изнутри навязанная роль "второго Пушкина" мешала становлению первого Лермонтова. Худшей бедой была суеверная убежденность в неотвратимости, даже, может быть, в нужности, того же жизненного конца (например, в связи с предпоследней дуэлью Лермонтова 1840 года сохранилось впечатление, что в Баранте он видел одного из "сотни беглецов", заклеянных им в "Смерти Поэта"). В итоге — преждевременная утрата того великого русского прозаика, которым Лермонтов был потенциально, но который не успел окончательно развиться и определить особое направление русской прозы.

"...il fut provoqué par un de ses camarades de régiment, et périt comme Pouchkine..." — в этих заключительных словах Тургеневского предисловия как бы устанавливается некая закономерность — и это из уст человека, лишенного всякого "сальеризма".

Единичный случай "гипертрофии традиции" не умаляет положительного значения Пушкина для всей последующей литературы (в первую очередь, естественно, для поэтов). Из тех, кто при жизни Пушкина был "порослью", упоминаемой во "Вновь я посетил..." Алексей Константинович Толстой не только отзывается на те же темы в драматургии, а в "Иоанне Дамаскине" сочетает религиозное напряжение "Пророка" с гимническим восторгом подражаний древним, — он наследует пушкинскую способность говорить царю правду в глаза. (Толстому она не приносит таких жизненных осложнений, так как он имеет дело с другой личностью на троне, но желанного успеха он не достигает).

Фета Тургенев напрасно корит за "неудачные подражания Пушкину" — этот поэт, как ранее Тютчев и позднее Случевский, — пошел собственным путем. Рассмотрение влияния Пушкина на второстепенных поэтов Золотого века русской поэзии сделало бы эту статью непомерно длинной, но о главном кумире второй половины XIX в. сказать необходимо: Некрасов был единственным поэтом, чьи стихотворения раскупались читателями так же нарасхват, как пушкинские.

"Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий... механизмом языка", — думал ли при этом Некрасов, что фундамент к его собственному "негладенькому" стилю тоже уже был заложен у Пушкина — в таких стихах, как "Румяный критик мой..." (1830) или "Гусар" и "Сват Иван, коль пить мы станем..." (1833). Во всяком случае, даже в зрелые годы Некрасов повторяет, что не только многому научился, но и продолжает учиться у Пушкина. Это свидетельствует не только о благодарности, но и о том, что, принимая или не принимая из рук поклонников таланта венец "первого поэта России", Некрасов заботится о правах преемничества.

В своей несколько бледной речи на открытии памятника Пушкину Тургенев подчеркивает его роль как создателя русского литературного языка и говорит о "памятнике учителю". Но о дальнейшем влиянии Пушкина на литературу Тургенев говорит уже не с той уверенностью, как в цикле лекций о Пушкине, прочитанных на десятилетие ранее, хотя они и послужили основой для торжественной речи. К этому времени различные критики достигли искажения облика Пушкина. Процесс искажения шел своеобразным путем. Не только Белинский, не сразу оценив по достоинству творчество поэта, с годами становится из критика его апологетом. Чернышевский в критико-биографическом очерке (1856) утверждает, что Пушкин "первым стал описывать русские нравы и жизнь различных сословий... с удивительной верностью и проницательностью" и "научил русское общество уважать литературу" (это не мешало Чернышевскому ставить Некрасова выше Пушкина в связи с большей "гражданственностью музыки"). Добролюбов даже попрекает Белинского его ранними нападками на Пушкина и утверждает: "Пушкин долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, как он есть... После него мы стали требовать и от поэзии **верности** изображений". Фактически только один Писарев в своих статьях о "Евгении Онегине" и лирике Пушкина пробует

представить Пушкина ничтожеством. Но, хваля или хуля Пушкина, все революционно-демократические критики не прощали ему определения русского бунта "бессмысленный и беспощадный", а потому другу декабристов они приписывали отсутствие интереса к общественной жизни. Не подходило им и то, что люди у Пушкина делились не на категории "богатый и бедный" или "угнетенный и власть имущий", а на "творческий и нетворческий". Потому, даже оказывая поэту уважение, они тщательно отодвигали его в прошлое, как принесшего посильную пользу (неприемлемое для Пушкина определение: против всякого ожидания пользы от искусства он возражал постоянно и резко) и уже отслужившего.

Для Достоевского, напротив, "сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников". То укрепление пушкинской традиции в литературе, которого и Тургенев желал (но на которое он не очень надеялся), пришло с началом XX века. Не столько расширению, сколько углублению интереса к Пушкину больше всего способствовали Соловьев и Мережковский, открывшие у поэта, ославленного в статьях Писарева поверхностным, незамеченные глубины, Мережковский — даже бездны: он пишет о "темной глубокой, как русская сказка", Татьяне и о "страшной идее" Медного Всадника. (Об отношении Соловьева к Пушкину будет речь в особой статье).

Но разве можно перейти к роли Пушкина для нашего века, не сказав ни слова об отношении к нему того, кто — при жизни уже памятник себе — стоит на грани столетий? Один из семи лучших русских прозаиков и — внутри этой семерки — один из трех лучших русских писателей, Лев Толстой был читателем не просто критическим — придиричивым. Его мнения о прочитанном находились в сильной зависимости не только от фазы его собственного творчества, но и от настроения момента. В молодости он брал книги Пушкина в руки с предубеждением, но почти всегда бывал приятно разочарован. В письмах и дневниках разных лет мы встречаем у Толстого и восторг при перечитывании "Повестей Белкина" (в 7-й раз!), и утверждение, что проза Пушкина устарела, и заявление, что Пушкин ему смешон (да не смутится сердце наше: тут и Шекспир ходил то в гениях, то в бездарностях!).

Среди поэтов Серебряного века Блок был одним из лучших знатоков поэзии Пушкина: он работает над комментарием к лицейским стихам для издания акад. Венгерова, он восторженно приветствует "воскрешение пушкинской традиции" при возобновлении

символистами издания альманаха "Северные цветы". Он, например, даже вдруг схватился за прозу Пушкина, ни много ни мало — приехав в Милан, где и перечитал ее почти всю. Пушкин был для Блока "носителем концепции живой и мощной юной России". В собственной творческой практике Блок настолько всегда шел изнутри, из себя, что вопрос о влиянии на его поэзию тех или иных отечественных или иностранных поэтов требует особого внимательного исследования (только с Брюсовым проще, т. к. это было не влияние, а давление). В глазах Блока Пушкин был пробным камнем для других поэтов, и в своих очередных увлечениях у любимого в данный момент поэта он ищет сходство с Пушкиным — даже у Федора Соллогуба (!), с несколько большим основанием — у Бунина (до полного разочарования в его поэзии — к Бунину-поэту почти все были несправедливы). Для Брюсова Блок даже ищет пресловутой преемственности, т. к. видел в нем в течение некоторого времени первого поэта России (хотя у читателей фаворитом был скорее он сам). Забавно, что читатель поколением моложе, желая показать, что считает Брюсова только стихотворцем, ищет для подкрепления своего мнения пушкинских формулировок: "Он был не Моцарт, а Сальери: в умении "поверить алгеброй гармонию" он не знал себе равных" (Рита Райт в "Воспоминаниях о Маяковском").

Из акмеистов только Гумилев остался в стороне, ведя свою необычную для русской поэзии линию. Между Ахматовой и Пушкиным, кроме прямого на нее влияния, существовала странная "связь чисел", о чем я говорила по поводу "не вполне юбилеев" обоих поэтов — 90 и 180 лет со дня рождения. Не повторяясь, обращу внимание, что "Смуглый отрок бродил по аллеям" — к столетию поступления Пушкина в Лицей — было написано Ахматовой, когда она прожила в минувшем XIX веке столько же лет, как в тогда молодом XX (по 11). Любовь к Пушкину сделала из Ахматовой, ранее равнодушной к литературоведению, внимательного исследователя, наибольшего интереса заслуживают ее открытия источников некоторых пушкинских тем.

Отношение Осипа Мандельштама к Пушкину — целомудренная тайная любовь, знавшая, впрочем, и ревность (например, к царскосельской интимности в обращении с поэтом). Если бы сам автор не объяснил другу своего стихотворения "Сестры — тяжесть и нежность...", то мы наверное не узнали бы, что оно — о Пушкине:

...Человек умирает,

песок остывает согретый,

И вчерашнее солнце

на черных носилках несут...

Интересна и трактовка Мандельштамом петербургской темы в ряде стихотворений — с позиций Евгения (из "Медного Всадника", а не "Онегина").

Даже те поэты XX в., которые отталкивались от прошлого нашей литературы, мечтая все начать как с нулевой точки, не обходились без Пушкина.

...Для нас Державиным стал Пушкин,

Нам надо новых голосов! —

возглашали эго-футуристы, но тот же Северянин так возмущается наглостью мелких писак: "Все — Пушкины, все — Гете, все — Шекспир..."

Ну а Маяковский?

Он мог заорать: "Довольно тыкать в меня Пушкиным!", мог заявить: "Может, я один действительно жалею, что его сегодня нет в живых". Знал наизусть почти все его собрание сочинений, зато с "материалом" обращался иногда весьма беспардонно: мог воспользоваться беседой Татьяны с няней для политической агитки или спародировать тему памятника препохабнейшим образом. Но как ему хотелось стоять рядом с Александром Сергеевичем на книжной полке, не смущаясь присутствием Некрасова, но отослав Надсона "куда-нибудь на Ца"! Сохранилось воспоминание старого актера, что за несколько дней до своей насильственной и самовольной смерти Маяковский гладил гипсового Пушкина в фойе театра...

Но и Цветаевой через год после смерти Маяковского приходилось отвечать на обвинения (уже эмигрантской критики) в непонятности и на сравнения с будто бы всем доступной поэзией:

Пушкиным не бейте!

Ибо бью вас — им.

Ее, с детских лет раненую известием о трагической гибели Пушкина, никто не прочил в его преемники?.. нет — цы (еще того хуже!). Но сама она помнила клятву верности, принесенную десятилетней девочкой, написавшей при первой встрече с морем на скале весь текст от "Прощай, свободная стихия" до подписи "Александр Пушкин"...

Пальцы не просохли

От его чернил!..

Венца она не требовала, но:

Пушкинскую руку

Жму, а не лижу...

Отвечая на одну из модных в то время литературных анкет, Пастернак пишет: "В своей работе я чувствую влияние Пушкина. Пушкинская эстетика так широка и эластична, что допускает разные толкования... Порывистая образительность Пушкина позволяет понимать его и импрессионистически..."

А теперь обратимся к поэтической практике — как легко, как органически продолжилась "Зимняя дорога" Пушкина в наш век:

...Я люблю перед бураном
Присмирившие дворы,
Будто прятки по чуланам
Нашалившей детворы.
И летящих туч обрывки,
И снежинок канитель,
И щипцами для завивки
Их крутящую метель...

В ответах на подобную же анкету Есенин называл Пушкина самым любимым своим поэтом, но категорически отрицал его влияние на творчество потомков. Сказано вовсе не для того, чтобы умалить значение Пушкина, — наоборот, Есенин считает, что до него еще не доросли — "его только начинают осознавать". Скрывается ли за этими словами мысль, что сам Есенин первым по-настоящему понял великого поэта? Тайная надежда получить пушкинский венец — лавровый и терновый? Во всяком случае, из своего огромного наследства Пушкин явно завещал Есенину осень — не просто любование ею, а таинственную духовную связь с ней. Но дворянин и романтик находит оптимистические ноты при описании "пышного природы увяданья", а крестьянский сын и декадент видит на рябине кровоточащие раны Распятого. Близкая гибель деревни бросает свою тень вперед — не говорит ли это о провидении, которое Пушкин считал неизменным спутником творческой натуры?

Друг и недруг, сосед и антипод Мандельштама — Георгий Иванов отгораживается от постоянно ранящего внешнего мира щитом цинизма: в глазах умирающего в петле Есенина "на дверце два белых нуля", не то высокое, чему отдаешь всю жизнь, а "искусства сладкий леденец"... Но разве та роза, которой поэт радуется потому,

Что я нашел ее на тротуаре

И выброшу в помойное ведро...

выпала не из лицейского стихотворения 1815 года? А теперь посмотрим, куда залетела та "Птичка Божия", за которую передовые люди XIX века так бранили бедного Пушкина, как будто он за всю жизнь ничего другого не написал, но которому таскают за хвост все школьные хрестоматии всех эпох — от Царя-Освободителя — до Горбачева:

Снова море, снова пальмы

И гвоздики, и песок,

Снова вкрадчиво-печальный

Этой птички голосок

.....

Велика иль невеличка?

Любит воду иль песок?

Может и совсем не птичка,

А из ада голосок?

А в страшном видении "припадка атомической истерики" Георгий Иванов приравнивает гибель царскосельских парков не только к гибели Белокаменной столицы, но и к

гибели целых континентов.

"Мне страшно здесь!" — пишет Дмитрий Кленовский о тех же парках:

Здесь ночью гимназиста лицеист

Целует в окровавленный затылок...

Но, проводив призрачную плеяду поэтов, чьи имена связаны с Царским Селом, Кленовский заключает:

...нету в мире сна

Страшнее и прекраснее, чем этот.

Кленовскому досталась от Пушкина в наследство минута спокойствия среди житейских бурь, то устойчивое равновесие, которое поверхностный читатель норовит принять за "холод". Оно может найти свое выражение в формуле, близкой стоицизму:

...Есть в мире грань, где ты неуязвим,

Неуязвим, как ветры и пустыни.

Но также и глубоко христианское мироощущение, которое посещало Пушкина, находит выражение во многих стихотворениях Кленовского, например, "Моя душа — что мироносица":

И если б не была окликнута —

Ты не упала б на колени!

Размышления о влиянии Пушкина привели нас к осколкам Серебряного века, разными

волнами эмиграции разбросанным по Европе. На этом остановимся. Проблему влияния Пушкина на творчество тех, кто покинул Россию или Советский Союз в юности или в детстве, а также кто не мог публиковаться на родине и начал литературную деятельность только за рубежом, логичнее всего рассматривать параллельно с проблемой влияния Пушкина в поэзии советского времени. Следует вспомнить на одной стороне Набокова, который (как показывает его роман "Дар") мог бы писать онегинской строфой на протяжении километров, но прекрасно знал, что это только имитация, и оценить его большую заслугу перед Пушкиным; стоит посмотреть, как выполняет Солженицын задачу, завещанную Пушкину Сперанским. На другой стороне нельзя не назвать Арсения Тарковского (отца так безвременно скончавшегося кинорежиссера) и Кушнера.

Но, как и в этой статье, будем избегать поисков "нового Пушкина". Державин, после успешной сорокалетней литературной деятельности, мог возложить свой венец на юнца и опочить на Олимпе. Пушкин, прерванный на полуслове, продолжает свою жизнь с нами и в нас.

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

В чем-то я могу и ошибаться, на абсолютную истину не претендую.

М. Горбачев

1. СССР — перестройка и репрессии

26 июня пленум ЦК утвердил "Основные положения коренной перестройки управления экономикой". Предусматривается почти полный возврат к совнархозам, что означает резкое сокращение полномочий и штатов министерств и передачу управления на места. Меняются методы и система планирования. Впечатление такое, что вместо того, чтобы продолжать длинную запутанную шахматную партию, Горбачев решил смахнуть фигуры с доски и начать игру с начала. Иными словами — сломать и брежневский аппарат и брежневскую систему.

Хотя с точки зрения нового руководства в этом есть определенный смысл, отметим сразу, что реформы производятся чересчур резко. Так, с 1 января 1987 г. введена госприемка по качеству, т.е. аналог военпредов в гражданской промышленности. Мера совершенно правильная, но ее следовало вводить постепенно, за 2-3 года, а не за два месяца (после совещания в ЦК 14.11.86 г.). В результате, за первое полугодие 1987 года не выполнили план поставок в машиностроении — 59% предприятий, в химической — 47%, в металлургии — 36%, в

топливной — 34%. Из 32 главнейших изделий в машиностроении и культбытоварах план не выполнен по 24 видам (уровень выполнения плана — 80—90%). Не выполнен план по прибыли в машиностроении и других отраслях.

А это означает отчаянные усилия на заводах, потерю зарплаты, рост недовольства и напряженности. Имеется ли в виду вести перестройку, как игру на нервах? В этой связи приведем замечание специалистов по медицинской географии: "Если усилия общества и обеспечение этих усилий длительное время не сбалансированы, может наступить утомление системы "человеческая популяция — среда". Оно может нарастать даже после того, как исчезнет первоначальная причина. Процесс утомления может приобретать цепной характер, то есть, возникнув в одной из сфер жизни социума, затронуть другие сферы и даже привести к снижению активности, а то и к социально-экономическому застою. Происхождение многих конкретных заболеваний действительно можно рассматривать либо как проявление утомления популяции в настоящем, либо как результат нарастающего утомления, причины которого скрыты

в прошлом. Природа — гроссмейстер безжалостный и не ошибающийся в своих ответах на наши ходы. А главное — в этой партии никто не может взять назад свой ход” (“Знание — сила”, №12, 1986, стр. 6—10).

В “Основных положениях перестройки” имеется в виду оставить в подчинении центральных органов несколько тысяч крупных предприятий (из существующих 37 тысяч), остальные — средние и мелкие, должны быть подчинены местным органам. Аппарат министерств, занятый оперативно-хозяйственным управлением, должен быть ликвидирован. Зато на местах создаются главные производственно-экономические управления облисполкомов, для практического руководства хозяйством.

Как заметил на совещании в ЦК (с руководителями средств массовой информации) в июле 1987 г. редактор “Экономической газеты”, “экономисты, руководители предприятий ждут перевода принятых решений на точный язык небольших и немногочисленных инструкций или приказов, распоряжений”.

Предусматривается “решительный переход от централизованного фондирования материальных ресурсов и прикрепления потребителей к поставщикам на оптовую торговлю средствами производства”. В условиях всеобщего дефицита эта мера неосуществима. Как отмечалось на совещании в ЦК 8 июня, “уже есть урок, который надо обязательно помнить, — это урок 1965 года. Тогда сложилась такая ситуация: деньги отдали предприятиям, а они вообще не могут их реализовать, так как им негде купить ни оборудование, ни станки, ни машины”.

Предусмотрена “радикальная реформа ценообразования”, в частности, повышение цен на сырье и ликвидация дотаций, которые сейчас достигают 73 млрд. руб. — 7% товарного производства, из них в промышленности — только 6 млрд. руб., как сообщалось на ноябрьской сессии Верховного Совета. На совещании в ЦК 8 июня отмечалось, что “на продукты питания цены в среднем вдвое ниже затрат на их производство”. Кроме того, “плата населения за жилье и коммунальные услуги составляет менее одной трети расходов на эти цели, поэтому государство расходует 5 млрд. руб. в год на дотацию” (“Экономическая газета” №13, 1979).

Согласно закону о предприятии, утвержденному на сессии Верховного совета 30 июня, на предприятии действуют цены: а) централизованные, б) министерства, в) договорные — по согласованию с потребителем, по инструкции и с контролем комитета цен, г) самостоятельные. Этот последний способ вызывает большие опасения; в “Основных

положениях” прямо сказано: “преодолеть тенденцию к росту цен на основе ликвидации дефицита и любых видов монополизма”. В известной книге Н. Валентинова о нэпе описывается, как предприятия резко завысили цены, и товары стали недоступны для крестьян.

Новый закон о предприятиях сводит на нет одну “опасную” статью закона о трудовых коллективах, в которой говорилось: “Полномочия трудовых коллективов осуществляются непосредственно общими собраниями”. Теперь вводится совет трудового коллектива, который и получает реальные полномочия.

На сессии Верховного совета утвержден также закон о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан. Об этом законе верно сказал один из депутатов: “Гражданину трудно понять, где его право на судебную защиту подпадает под нормы этого закона, а где законодательством предусмотрен иной порядок обжалования. Почему решение народного суда обжалованию не подлежит? Если суд по жалобе гражданина вынесет не в его пользу решение, то здесь же возникает еще и другая несправедливость — издержки судом будут возложены на него”.

Пленум ЦК принял решение созвать XIX партконференцию 28 июня 1988 г. Как заметил Горбачев, “многие конференции на переломных этапах истории решали проблемы, далеко выходящие за рамки тактических. В ряде случаев на них выдвигались задачи стратегического характера, вносились изменения в уставные нормы, в состав центральных органов партии”.

На совещании в ЦК 8 июня Горбачев заявил, что “вопрос о строительстве жилья сейчас вышел на первое место, куда ни поедешь, везде его ставят резче, чем продовольственный и остальные вопросы”. И на пленуме ЦК продолжил: “Трудящиеся не поймут нас, если мы, разворачивая перестройку, не найдем реальные возможности для того, чтобы ускорить решение жилищного вопроса”. Акад. Аганбегян в “Литературной газете” заявил, что “для того, чтобы обеспечить каждую советскую семью отдельной квартирой, нужно построить 40 млн. квартир (всего в СССР 70 млн. семей). (“Посев” №4, 1987, с. 12).

На июльском совещании в ЦК Горбачев сказал: “На протяжении последних лет мы приняли ряд постановлений по вопросам обеспечения людей садовыми домиками, стройматериалами, ремонтными услугами и т. д. Причем сказали: независимо от того, какова потребность наших строительных организаций в этих материалах, надо выделить их для народа, дать в торговлю. Начали проверять и увидели, что ведомство за

ведомством систематически срывали их. И тогда мы решили, что если еще увидим, что эти постановления срываются, будем снимать виновных с работы, причем делать это открыто, перед всей страной". В то же время по законам "О нетрудовых доходах" от 27.5.86 г., "граждане, строящие жилой дом (дачу) стоимостью свыше двадцати тысяч рублей, обязаны представить в финансовый орган декларацию об источниках получения соответствующих средств. Граждане обязаны представить декларацию об источниках средств также по требованию исполкома или прокурора".

В заключительном слове на пленуме ЦК Горбачев сказала: "Если у нас не будет преодолена такая беда, как чехарда в основном звене кадров, я имею в виду руководителей предприятий, то реформа будет идти очень трудно". В то же время против заводских работников бушует кампания репрессий. Акад. Аганбегян рассказал в "Литературной газете": "Какое раздолье для многочисленных проверяющих и контролирующих инстанций, которые сегодня под видом перестройки проявляют недюжинную активность. Всегда можно найти криминал" ("Посев" №4, 1987, с. 12). Добавим, что "в промышленности вопрос о материальной и уголовной (!) ответственности за простой вагонов сверх сроков погрузки резко обострился" ("Экономическая газета" №20, май 1987 г., с. 12).

Репрессии всякого рода усиливаются. 3 июня Верховный суд СССР приговорил бывшего первого секретаря Бухарского обкома А.Каримова к смертной казни за взятки (Р. М. 12. 6.87). 15 июня бывший заместитель министра внешней торговли В. Сушков приговорен за взятки (127 тыс. руб.) к 13 годам тюрьмы, его жена В. Сушкова, занимавшая высокий пост в Госкомитете по науке и технике, приговорена за взятки (392 тыс. руб.) к 11 годам. (Р. М. 26. 6. 87). 17 июня "Казахстанская правда" сообщила, что студент 1 курса Алма-Атинского архитектурного института К. Рыскулбеков признан виновным в смерти дружинника во время декабрьских беспорядков в Алма-Ате и приговорен к смертной казни. Строительный рабочий Т. Ташенов приговорен к 15 годам. На тот же срок осужден студент техникума Ж. Таиджумбаев, обвиненный в нескольких поджогах. К 14 годам приговорен сварщик К. Кузембаев, к 4 годам — студент архитектурного института Э. Коллесбаев (Р. М. 26. 6. 87).

Сообщаются подробности об "экономическом" терроре против диссидентов в Грузии. "Валентина Пайлодзе, 63-летняя христианка, регент церковного хора; в 1983 г. ее обвинили в даче взятки и приговорили к 8

годам лагерей и 3 — ссылки. Правозащитник Борис Кукобава был обвинен в каком-то экономическом преступлении, приговор — 14 лет лагерей" (Р. М. 15. 5. 87). Сообщается о репрессиях в лагерях: "Участник движения кришнаитов Владимир Кустря приговорен в 1984 г. к 5 годам лагерей строгого режима. В лагере в Коми АССР он получил дополнительный трехлетний срок за "злостное неповиновение администрации лагеря". Кустря тяжело болен, у него опухли ноги, но администрация лагеря заставляет его работать на лесоповале. Владимир Критский, кандидат физико-математических наук, в 1982 г. приговорен к 4 годам лагерей, впоследствии срок был увеличен еще на 4 года" (Р. М. 8. 5. 87).

Сообщается, что выслан из США в СССР Карл Линнас, обвиненный в военных преступлениях. (Р. М. 15.5. 87). Выданный ранее Федор Федоренко осужден к смертной казни и расстрелян 27 июля с.г. (Р. М. 31.7. 87). Непостижимо в этих делах мертвое молчание Западной Германии; инкриминируемые преступления совершались под германским флагом, и Федеративная республика должна бы требовать, чтобы высылаемых из США отправляли именно в Германию, где суд справедливый и гласный.

Зато, напротив, западные и германские фирмы активно участвуют в советском следствии о коррупции: "Во время следствия фирмы представили подробные счета на все — начиная от туалетной бумаги и кончая видеомagnetофонами... Фирмач передал следователю 200000 марок ФРГ, заявив, что не смог вручить указанную сумму господину Лыкову в связи с его арестом" ("Посев", №1, 1987, с. 12). **Нам рассказывают,** что на следствии умирают молодые люди, обвиненные в нетрудовых доходах. Помещают ли их в "пресскамеры", где уголовники их избивают?

В "Экономической газете" (№24 за июнь 1987 г.) рассказывается о судебном деле в Ленинграде, в районе Рулевки. "Дельцы" создали там 30 свиноферм, в каждой из которых содержалось от 10 до 25 свиноматок. "Краденые корма обходились им по дешевке: их привозили шоферы, вывозившие бытовые отходы из дворовых баков и ресторанов. С утра до вечера простаивали над газовыми плитами у булькающего варева свиноводы, особенно их женская половина. Сами они жили в худших условиях, чем их четвероногие питомцы. Но, как говорится, игра стоила свеч. Доходность несправедливого промысла броско проявилась при обыске 32 дворов свинаярей, произведенном одновременно ранним апрельским утром. В одном доме была обнаружена сберегательная книжка с вкладом 20 тысяч рублей и найдено 6 тысяч рублей

купюрами. Большинство предпочитало переводить деньги в материальные ценности. Ковры, хрусталь, кольца, перстни, серьги, подвески, цепочки, драгоценные камни — не часто увидишь подобное скопление драгоценностей. И все это при показной внешней бедности, при подчеркнуто нищенском аскетизме быта. Все они сдавали мясо государству, и обиженных вроде нет... Страх перед возмездием — не такой уж слабый тормоз для любителей нестроудовых доходов”.

Другой случай описали "Известия":

"Некто Чилингаров на базе захудалой сельской мастерской организовал производство модной дефицитной обуви в шесть-семь раз больше планового задания. Не взял с государства ни копейки. Дали ему 8 лет. От мастерской остались рожки да ножки". (Р. М. 12. 6. 87).

Бывший политзаключенный Мясников добавляет:

"В Туле шли крупные процессы, связанные с нелегальным производством и взятками должностным чинам, в том числе из милиции. Статью в "Советской России" приняли, но выкинули все, что касалось недостатков расследования и безумной жестокости приговоров, предпринимателей называли жуликами" (там же).

Советская пресса подогревает репрессивные настроения. В связи с этим заместитель редактора журнала "Социалистические исследования" Г. Батыгин отмечает: "За последнее время печать пыталась придать враждебно-политическую окраску неформальным молодежным объединениям, высказывались призывы к классовой борьбе и раскулачиванию нуворишей. Я боюсь, потому что как социолог вижу нарастание вражды и нетерпимости, готовность к преследованию. Я хорошо знаю, как неумолимо и неожиданно бушующая "демократия", замешанная на правовом бескультурье, превращается в тиранию и политический террор" (Р. М. 10.7.87).

А вот сообщения о методах перестройки. "Экономическая газета" пишет, что "вопрос из самых болезненных — на ряде заводов не хватает станочников. А ведь рабочей силы в Горьком вполне достаточно, если ее правильно распределить, ликвидировать надуманные или полужанятые конторы или подразделения" (№20, 1987, с. 7). Вспоминается "Котлован" Платонова... По сообщению министерства путей сообщения, "аварийность на железных дорогах за первые девять месяцев 1986 г. выросла по сравнению с прошлым годом на 26%" (Р. М. 6.2.87). В письме из Москвы добавляется, что с сентября до декабря случилось 5 крупных крушений — вагоны летели под откос; связано это как будто с сокращением штатов (там же). Продолжается внедрение бригадного метода: "Член москов-

ской хельсинкской группы В. Некипелов в ссылке был направлен работать на швейную фабрику — шить, чего он никогда не делал. Работать он должен был в бригаде, где от его заработка зависит и заработок остальных" (Р. М. 9.1.87).

В "Экономической газете" (№24, 1987) в статье "Банкротство" рассказывается, что 12 мая было принято решение о ликвидации научно-исследовательского института экономики строительства Госстроя СССР. После начала перестройки и аттестации "полетели письма и анонимки. Словно селевые потоки грязи, камней, мелких склок, откровенной беззастенчивой лжи и клеветы хлынули из высотного здания, в котором размещался respectable институт. Сообщалось, кто за кого написал диссертацию, кого с кем видели в городе в неурочное время, кто был угодником директора, а кто угодником его противников. Руководитель аттестационной комиссии был объявлен "агентом иностранных разведок". Секретарь партбюро противостояла директору во всем — и в крупном, и в мелком, и в мелочном". Такая обстановка не единична, "в одной только Москве сокращается 30 тысяч работников науки и управления" ("Знание — сила", №6, 1987, с. 41).

В том же номере "Экономической газеты" рассказывается о новом директоре Куйбышевского моторостроительного завода, который "буквально горел на работе, не щадил себя ради производства. Но, как оказалось, не щадил и людей. Один за другим стали увольняться кадровые работники. Не оставалось ничего другого, как заменить директора. Три директора сменилось за последние несколько лет на Чапаевском заводе химических удобрений. Потерян счет директорам Куйбышевского завода "Продмаш".

Как пишут в московском неофициальном бюллетене, "гласность — оружие правящего аппарата, оповещающего о том, что и как он намерен делать. Принятые законы... компрометируют идеологию реформы, как это было с законом о борьбе с нетрудовыми доходами. Система всегда изобретает чрезвычайные обстоятельства, как предлог и мотив..." (Р. М. 10.7.87).

Письма из Москвы в "Стране и мире" (№3, 1987) сообщают: "Дело не просто в том, чтобы вывести прессу из-под власти местных и ведомственных начальников, — само по себе это могло бы означать и современный вариант опричнины (с. 51). Стало ясно, что налицо новый невиданный со времен Отца Народов феномен — нарушение иммунитета номенклатуры (с. 52). Всех "разбогатевших" (по нашим меркам) на индивидуальной трудовой деятельности рано или поздно посадят, как это было с сельскими "богатеями-кулаками", с энпманами, с дру-

гими частниками (с. 60). Отдачи требуют намного больше, а вот базы для достижения этой отдачи нет никакой, ничего не изменилось. Для интеллигенции дали некоторую свободу. Хотя возможно, что эта свобода кому-то нужна для других целей (с. 61). Значительная часть московской интеллигенции в разной степени захвачена соблазном гласности, заинтригована многочисленными разоблачениями. Чувствуется, как никогда, усталость общества, усталость всего населения, вопреки, так сказать, литературному интересу. Попытки ввести самоуправление на предприятиях вообще не самое разумное из начинаний. В такой сложной области, как промышленность, нужно не участие в управлении, а настоящие профсоюзы, способные защитить права трудящихся (с. 63 — 65)".

Очередные письма из Москвы рассказывают об индивидуальной трудовой деятельности. "С помощью этого закона государство надеется загнать в рамки легальности около 2 миллионов советских граждан, работающих, по признанию советской печати, только "налево", и около 18 миллионов человек, занимающихся этим время от времени. Но советские граждане явно не торопятся впрягаться в рамки "законного" индивидуального труда. Доходы, получаемые от индивидуальной трудовой деятельности, будут облагаться налогами: заработки, превышающие 6000 рублей в год, облагаются 65-проц. налогом. В целом государство будет самым строгим образом контролировать зарегистрированных "индивидуальных работников" и вести борьбу с "нетрудовыми доходами". О том, к чему это приводит, рассказала "Литературная газета": старик-пенсионер, член КПСС с 1944 г., был приговорен к крупному штрафу за то, что пошел навстречу соседке-вдове и продал на рынке не только свою, но и ее картошку. Рынок между тем беднеет: все меньше торговцев, меньше выбор товаров, а цены растут. А у производителя нет времени и возможностей (где достать транспорт?) самому ехать на рынок. Эксперимент с кафе на кооперативных началах, открывшемся 13 марта в Москве. Чтобы попасть туда, надо выстоять в очереди, и ничего нового в этом нет. Счастливички, попадающие в кафе на ужин, должны выложить 4 — 5, а то и 12 рублей, чтобы только поесть (спиртные напитки здесь не продаются). Вместо обещанных сорока минут, обед занимает два часа — в этом тоже нет ничего нового. Обслуживание в кафе не блестящее. Советские граждане начинают поговаривать, что все это — жульничество или показуха: смотрите, мол, в Москве есть частные рестораны" (Р. М. 15.5.87). "Частные кафе и другие мелкие предприятия должны быть по советским законам только семейным или индивидуаль-

ным делом одного человека. Частная практика не может быть (в рабочее время) для тех, кто по советскому законодательству должен работать (на государственном производстве). Сырье для частных предприятий должно поставляться и контролироваться государственными органами. Власть боится приобретения ворованного у государства сырья для частной практики, а следовательно для частного кафе мясо и мука поставляются государством, что означает плохое качество и дефицит" (Р. М. 8.5.87). "Некоторые могут даже заниматься такими вещами как основной работой (директора кооперативных кафе), но это привилегированные места" (для номенклатуры) (Р. М. 24.4.87).

ПЕРЕФРАЗИРУЯ знаменитую, но ошибочную фразу Ленина, скажем, что индивидуальная трудовая деятельность при тотальном дефиците рождает коррупцию ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе.

Еще одно письмо из Москвы рассказывает о перестройке: "Призывы к правдивости и гласности, обещания послаблений — привлекли к Горбачеву сначала сочувствие, а затем и поддержку столичной интеллигенции, включая ряд наиболее известных в стране деятелей искусства и литературы. Ему симпатизируют такие люди, как А. Д. Сахаров и Л. К. Чуковская. И не они одни. Новая обстановка пробудила надежды у оппозиционно мыслящего меньшинства; кем-то оно было названо оппозицией младших научных сотрудников, что во многом соответствует реальной ситуации. Характерно, что в общественную полемику о производственной демократии, так же как и в борьбу вокруг памятников культуры уже включились многие только что вышедшие из лагерей диссиденты... Сторонники перестройки в нижних звеньях социальной лестницы уже потерпели немало поражений, которые в первую очередь отражаются на их личных судьбах. Активистов перестройки увольняют с работы, отодвигают в очереди на жилье, понижают в должности, выгоняют из университетов, забирают в армию, лепят на них дела — уголовные или политические, но чаще все-таки затирают или смиряют административными мерами. Это происходит везде, только в провинции это делается тихо, быстро, решительно и с гарантированными результатами, а в столицах — со скрипом, воплями общественности и бурями на газетных страницах. Газеты, впрочем, везде поспеть просто не могут" (Р. М. 24.4.87).

Участник известного "самолетного" дела Юрий Федоров, отсидевший в лагерях более 20 лет и в июне эмигрировавший, рассказывает: "Я проводил много бесед, можно даже сказать опросов населения и в Москве, и в районном городке Александрове. Я опросил

более тысячи человек. Из общей массы примерно 30% относились к "перестройке — гласности" резко отрицательно, расценивая эту кампанию как очередную раздражающую болтовню, примерно 50% не верили, что "перестройка — гласность" может привести к каким-то положительным сдвигам, а 20% почти не представляли себе суть этих понятий и не интересовались этим" (Р. М. 10.7.87).

Что касается эмиграции, то в беседе с госсекретарем США Дж. Шульцем Горбачев заявил, что "эмиграция ничего не решает, надо сделать так, чтобы те, кто недоволен своей страной и хочет поэтому уехать, стали ею довольны" (Р. М. 24.4.87). Б. Вайль помещает в том же номере газеты обзор советской печати по вопросу о возвращенцах: "Как пишут в "Известиях", репатриантам еще "придется доказывать свое право стать полноправными членами нашего общества". Значит, какое-то время они будут неполноправными. А вот как это доказывать? Газета не уточняет, но люди, жившие в СССР, догадываются. То же и в "Литературной газете": "Вернувшимся на Родину еще предстоит бороться не за формальное, а за подлинное восстановление в гражданских правах. Мы в них не нуждались, они без нас не смогли. Теперь не нам, а им доказывать, что они вернулись всерьез, действительно много передумав и поняв". Письма читателей враждебно относятся к реэмигрантам: "СССР — не проходной двор. В крайнем случае — направлять возвращенцев в Сибирь. Откусили от одного пирога, теперь от другого, так и будут смотреть, где кусок пожирней. Эмигранты — это предатели, вернулись они в СССР или остались на Западе — все равно. Человек, вернувшийся из эмиграции, тем самым признает свою вину и ошибку..." А вдруг опять захочется на Запад? Не всем же дано родиться Светланами Иосифовнами" (Р. М. 24.4.87). Впрочем, самиздатский автор М. Болховской замечает: "Аллилуевщина — это дочернее предприятие сталинизма" ("Страна и мир", №12, 1986, с. 52).

Еще одно сообщение из Москвы: "В Средней Азии погибает Аральское море. За последние 10—15 лет это море высохло ровно наполовину — наполовину превратилось в соленую пустыню. Ветер поднимает летом соль в воздух и обрушивает ее на селения Каракалпакской АССР. Небо покрывается соленым занавесом, солнце становится багровым и исчезает в соленой пыли. В этой области на земле не растет ни одно дерево. Гибнет зверье. Болеют и умирают люди. В ЦК Узбекистана лежит проект о скорейшем переселении оставшихся людей Каракалпакии в другие места, но пока неизвестно, куда их переселят. Потому что земля соседних областей (Хорезм, Бухара) становится такой же

бесплодной, как в Каракалпакии. Почему высыхает Аральское море? Потому что Аму-Дарья не вливается в Арал, так как нет воды. Воду проглатывает хлопок. Есть единственный способ спасти Аральское море — нужно наполовину сократить орошаемые земли, отказаться от миллионов тонн хлопка и прекратить бесконечное освоение целины. Потому что нужно выбирать — хлопок или люди. Факты ужасающие, и это уже нельзя скрывать: сегодня 40% юношей Узбекистана признают негодными к военной службе, они физически неполноценны. Они будут составлять почти половину мужского населения республики в будущем. Причина этой трагедии — дефолианты, которыми обрабатывают хлопок, гербициды, пестициды и прочие" (Р. М. 15.5.87).

М. Геллер так оценивает перестройку: "Сегодня говорят даже не о реформах, говорят о революционных изменениях. В марте появилась в "Правде" статья нового директора института Маркса — Ленина, излагающая теорию новой революции. Какая же происходит революция? — спрашивает автор статьи. И отвечает: по образцу и подобию сталинских революций сверху — коллективизации и культурной революции 1928—31 годов. Это открытое признание великолепно определяет характер происходящего. И нельзя забывать: без "гласности", которая очень нередко приобретает форму доносительства, невозможно разрушить старую партию. Разговоры о политических заключенных необходимы, но недостаточны. Кроме них есть миллионы заключенных, осужденных потому, что советский закон — самый репрессивный в мире" (Р. М. 12.6.87). Редакция газеты со своей стороны добавляет: "Недавно газета "Монд" опубликовала высказывание представителя агентства "Новости" о необходимости изменения трудового законодательства, ибо в стране слишком много тунеядцев и бездельников. Это звучит как угроза" (там же).

Укажем далее на последние сообщения об экономических реформах в социалистических странах: "В Венгрии резко растет дефицит внешней торговли, дефицит госбюджета и инфляция. Внешняя задолженность дошла до 13 млрд. долл., что в относительных величинах едва ли не превосходит польские долги. Янош Барабаш от имени ЦК заявил, что мы должны быть готовы к дурным социальным настроениям. В Югославии в июне инфляция достигла 100%. Структурно-убыточными являются 23% предприятий (самоуправляющихся), с числом работающих от 600 тысяч до миллиона человек" (Р. М. 10.7.87).

Отметим, что в "Экономической газете" №29 опубликованы "Полемические заметки — что стоит за индексами". Это ответ на

статью "Лукавая цифра" в "Новом мире" №2, авторы которой утверждают, что национальный доход СССР за 1928—85 годы возрос в 6—7 раз (по данным ЦСУ — в 86 раз). Как замечает автор полемики, "получается, будто национальный доход, составляющий десятую часть национального дохода США, позволяет поддерживать паритет оборонного потенциала СССР и США, из него черпаются огромные средства для реконструкции, строительства и вложений в сельское хозяйство. Простой расчет показывает, что на фонд потребления при таком утверждении почти ничего не остается".

О положении в партии рассказывает письмо из Москвы: "Номенклатура отчетливо ощутила, насколько ухудшились ее условия труда при Горбачеве. Нас задержали — жалуются функционеры. Их действительно дергают — сверху (непосредственное начальство), снизу (осмелевшие подчиненные), сбоку (сорвавшаяся с поводка пресса). Уймите, Михаил Сергеевич, прессу — таков был общий вопль кадров на январском пленуме. В принципе они могли бы сместить Горбачева на этом пленуме: нужное большинство у них есть. Судя по всему, вожди номенклатуры (Егор Лигачев, Николай Рыжков) считают, что еще не время. Они ждут крупного экономического провала перестройки. Первым симптомом был хаос на железных дорогах в течение всей осени и зимы 1986—87 гг. В руках у Лигачева, секретаря ЦК по идеологии, сейчас не столько идеология, сколько аппарат ЦК и все связи с областными первыми секретарями. Горбачев остается у власти до тех пор, пока его власть согласны терпеть Лигачев и другие руководители аппарата. Вероятно, есть еще и какие-то внутренние несогласия среди вождей антигорбачевского блока. Гейдар Алиев, например (с ним, по слухам, Горбачев уже три-четыре месяца не разговаривает и не здоровается) или Владимир Щербицкий совсем не прочь были бы свалить Горбачева уже сейчас, потому что они — первые теперь в политбюро кандидаты на вылет. Но Лигачеву торопиться некуда. Уцелевших брежневских фаворитов ему все равно убирать — рано или поздно. Почти любые перемены в политбюро и аппарате ЦК автоматически увеличивают силы сторонников Лигачева, умеренных реформаторов, как их иногда квалифицируют. Лигачев отлично знает кадры: какие бы перемещения Михаил Сергеевич там ни проводил, много новых сторонников он этим не приобретет. Их там нет" (Р. М. 24.4.87).

Последние сообщения отчасти подтверждают эту информацию: "10 июля председатель совета министров Украины А. Ляшко освобожден от этого поста, который он занимал с 1972 года. Смещение Ляшко, видимо, можно считать последним подступом к снятию

с поста первого секретаря ЦК Украины В. Щербицкого" (Р. М. 17.7.87). Заметим, что Алиев не появился на июньской сессии Верховного совета.

В связи с чисткой в армии после невероятного полета 28 мая немецкого летчика-любителя Матиаса Руста из Финляндии на Красную площадь, "Русская мысль" отмечает "уникальный факт, что командующий войсками ПВО был снят — не только фактически, но и формально, можно сказать, демонстративно — постановлением политбюро. Разумеется, вся политика в СССР, включая кадровую, находится в руках политбюро, тем не менее определенные формальности там соблюдаются весьма строго. Снять командующего ПВО имеет право — и по указанию политбюро обязан — министр обороны. Выводы из двух последовательных актов: постановления политбюро о снятии маршала Колдунова с поста командующего ПВО и освобождения маршала Соколова от обязанностей министра обороны (это, уже соблюдая формальный порядок, сделал президиум Верховного совета — конечно, также по указке политбюро) — просто напрашиваются. Ясно, что на заседании политбюро маршалу Соколову было предложено снять Колдунова, а он отказался" (Р. М. 12.6.87). Новым министром обороны назначен генерал Язов. "Министром не был назначен ни один из маршалов, ни один из трех первых заместителей министра, и это нельзя счесть случайностью. В последнее время Язов работал заместителем министра обороны по кадрам, а до того — командующим Дальневосточным военным округом. Александр Адлер приводит дату перехода Язова в министерство — апрель 1987 года, — а также сообщает, что Язов — личный друг первого секретаря Иркутского обкома" (Р. М. 5.6.87). Таким образом, урало-сибирская группа в руководстве получила подкрепление.

В последней статье Александр Адлер сообщает, что у председателя КГБ В. Чебрикова положение неустойчивое, и он, возможно, будет заменен генералом Филиппом Бобковым, специалистом по диссидентам и национальным движениям, который играет видную роль в последних инициативах Горбачева. Адлер сообщает также, что Э. Шеварднадзе был навязан Горбачеву на пост министра иностранных дел и он, возможно, будет перемещен на другой пост в правительстве. Министром иностранных дел в таком случае может быть назначен нынешний секретарь ЦК А. Добрынин, или, что вероятнее, нынешний заместитель министра иностранных дел Ю. Воронцов (Либерасон, 29.7.87).

Что касается Шеварднадзе, то о нем "приходят противоречивые слухи: с одной стороны, самиздатский автор пишет, что он санкционировал "пресскамеры" (пытки ру-

ками уголовников), искореняя коррупцию в качестве министра внутренних дел Грузии. С другой стороны, грузинская интеллигенция утверждает, что расцвет искусства в Грузии обязан его личному покровительству" (Синтаксис, №17, 1987, с. 94.).

В целом о перестройке Н. Горбаневская замечает: "Нельзя, нельзя, нельзя... А советской власти все можно. Это-то и есть произвол, беспредел: "мне скучно, бес!" От скуки, от умственного застоя да от сознания своего полновластия она то корабль потопит (с зэками), то военные эксперименты на мирном реакторе затеет, то в интеллектуально-спортивные игры пустится: в борьбу ли с космополитизмом, в гонки ли за гласностью" (Р. М. 26.6.87).

Со своей стороны продолжим наши предложения по либерализации в СССР (начало — в "Голосе зарубежья" №44):

- распространение гласности на критику в печати законов о нетрудовых доходах и других мер действующего руководства;

- вывод войск из Афганистана, невмешательство в дела Латинской Америки, Африки и Индокитая;

- отмена чрезвычайных указов об экономических преступлениях, принятых в 1961 — 62 гг.;

- запрещение в законе давать в лагере новый срок, кроме как за умышленное убийство;

- смягчение уголовного кодекса на одну треть: вместо 3 лет — 2 года, вместо 5 — 3 года, вместо 7 — 5 лет, вместо 10 — 7 лет, вместо 15 — 10 лет;

- отмена смертной казни в мирное время, кроме как за умышленное убийство;

- осуждение методов ведения войны любой ценой, не считаясь с потерями;

- запрещение в законе народного ополчения, в котором погибли сотни тысяч необученных и непригодных для военной службы людей;

- присоединение к Женевской конвенции о военнопленных;

- запрещение в законе мобилизации на сельхозработы через предприятия; в случае необходимости приглашать добровольцев с соответствующей оплатой за счет специального налога; мобилизация на трудовую повинность, в случае крайней нужды, проводить только через органы государственной власти с медицинским освидетельствованием, как в армию;

- запрещение субботников и привлечения к работе, не соответствующей трудовому договору, как противоречащим кодексу законов о труде;

- сокращение рабочей недели с 41 до 40 часов и ликвидация в этой связи "черных" (рабочих) суббот;

- разрешение всем трудящимся лечиться

в поликлиниках не только по месту жительства, но и по месту работы; не только в районных больницах, но и в других в данном городе; не только у участкового врача, но и у других врачей данной поликлиники; открытие платных поликлиник во всех городах;

- полное разоблачение деятельности Жданова, Ворошилова и Калинина;

- реабилитация Н. С. Хрущева*;

- реабилитация Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского.

*Также и за его гонения на церковь? (Прим. ред.)

2. Эмиграция — иллюзии и барьеры

Во "Внутренних противоречиях" В. Чалидзе заявляет: "Мы должны быть достаточно смелы в том, чтобы поверить, что Горбачев хочет действительно демократизации. Демократия в России — это то, за что даже Горбачеву придется бороться" (№18, 1987, с. 9 — 10). Тоталитарная демократия? Даже тоталитаризма с человеческим лицом, увы, не видно. Под гром фанфар гласности и под знаменем ликвидации нетрудовых доходов как класса — тирания медленно и грозно наступает.

В той же статье В. Чалидзе пишет: "В этом году празднуется 200-летие американской конституции. Не думайте, однако, что это 200-летний юбилей демократии. Американская конституция была бы не более чем клочком бумаги, если бы не было воли американского народа использовать ее как основу борьбы за демократию" (там же, с. 5-8).

Этот юридический нигилизм опровергается без труда: первая американская конституция была утверждена в 1778 году, но не существовала и десяти лет.

Нынешняя конституция — это вторая, так что не всякий клочок бумаги может быть основой демократии.

В "Стране и мире" (№2, 1987) напечатана статья Е. Г. Эткінда о французской революции, где говорится: "Передовая статья октябрьского номера шикарного журнала Figaro-Magazine за прошлый год, подписанная главным редактором Луи Пауэлсом, была озаглавлена так: "Не пора ли попросту покончить с Французской революцией?" Партия Пауэлса, РПР (объединение в защиту республики), с марта 1986 г. входит в правительственное большинство. Пауэлс со всей категоричностью утверждает, что "революция, террор и геноцид составляли нерасторжимое единство, что якобинизм и большевизм объединились, чтобы произвести на свет Гулаг". Пауэлс опирается на работы Огюста Кошена, показавшего,

каким образом якобинская диктатура породила "идеологический тоталитаризм современного типа". Для Сюффера и его единомышленников Французская революция — мертвец, которого осталось только похоронить. Трудную задачу они поставили перед собой. Придется ошельмовать Наполеона, о котором Пушкин сказал: Сей всадник, вольностью венчанный... А что делать с национальным праздником Франции — 14 июля, днем взятия Бастилии?.. Пусть ответит гробовщикам революции Виктор Гюго, перечисливший, чем Франция обязана Конвенту".

Я думаю, что Гюго нам не понадобится — он устарел на сто лет. Уж лучше вспомнить Анатоль Франса ("Боги жаждут"). И ссылка на Пушкина неполна — он сказал и другое: мятежной вольности наследник и убийца, сей хладный кровопийца... О 14 июля уже рассказывают советские историки: "Около 4 ч. дня гарнизон капитулировал. Комендант Бастилии маркиз де Лонэ был арестован. Но на Гревской площади толпа вырвала его из рук конвоя. Коменданту Бастилии отрубили голову, вздернули ее на пику и с триумфом понесли этот страшный трофей по городу" (В. Ревуненков, Очерки по истории французской революции, Л., 1982, с. 70).

Уж если искать авторитета, то у Джефферсона: "Войти в соглашение с королем, обеспечивающее свободу прессы, суд присяжных, неприкосновенность личности и законодательное собрание — все то, что король, как было известно, готов уступить. Даже после многих лет внешних и внутренних войн, потери миллионов жизней, разрушения человеческого счастья и временного порабощения своей страны иностранными державами они не добились большего" (В. Печатнов, "Гамильтон и Джефферсон", М., 1984, с. 151—152). Добавим, что и режим III республики оказался крайне опасным для общества. В России в 1917 г., в Италии в 1922 г., в Германии в 1933 г., в Испании в 1936 г., во Франции в 1940 г. и в Алжире в 1958 г. эта система неизменно приводила общество к полному краху.

Мы не раз критиковали статьи в "Стране и мире" о тоталитаризме. На этот раз мы присоединяемся к мнениям Уолтера Лакера (№2, 1987): "Режим генерала Франко не был тоталитарным, несмотря на то, что многие утверждают обратное. Во франкистской Испании не было центральной идеологии и не было массовой политической партии. Франкистский режим на самом деле был старомодной военной диктатурой... При отсутствии демократической законности советский режим продолжает держать страну в состоянии перманентного страха и неуверенности. Нет никакого основания называть тоталитарное государство ограничено плюралистическим

лишь потому, что на самой верхушке ведется борьба за власть. Тоталитаризм в СССР пока еще не преодолен".

А. Федосеев в "Русской мысли" замечает: "Такие, извините, малополезные западные игрушки, как многопартийность и свободные выборы. Я лично предпочел бы не многопартийную, а более соответствующую современности беспартийную неидеологическую государственную систему" (Р. М. 26.6.87). На эту тему еще ранее писал в той же газете И. Шелковский: "Один писатель в эмиграции сказал, что он все партии разогнал бы из пулемета. А как он себе представляет политическую жизнь без партий? Вообразим, что во Франции нет партий — пятьдесят миллионов кричат каждый свое? Или, напротив, все молча ждут чуда, прихода "доброго" вождя (президента)?" (Р. М. 5.12.86). Далее А. Федосеев ссылается на свою книгу "О новой России", где, в частности, описывается швейцарский образец. В последнем номере журнала "22" напечатана статья известного американского политолога И. Шумпетера, где сказано: "Проблемы Швейцарии столь просты и стабильны, что большинство граждан способно рационально разобраться в них, — здесь вообще нет потребности в серьезных решениях. Сходная ситуация может возникнуть и в более сложных обществах — но только в тех случаях, когда проблема никого лично особенно не задевает" ("22" №52, с. 145).

В. Максимов в "Русской мысли" рассказывает о самоубийстве вернувшегося в СССР из Америки известного артиста-мима Бориса Амарантова: "Первые его профессиональные шаги на американской земле были довольно успешны. Но этого было слишком мало, чтобы утвердиться на западной сцене. Закат стал еще более коротким, чем взлет. Наступил кризис, а следом за ним и психологический слом. В отчаянных поисках выхода из трагического тупика артист стал рваться обратно в Советский Союз. Но, как оказалось, ничто уже не могло помочь артисту вернуться в искусство, даже родные стены. И в результате последний выход для отчаявшегося человека — самоубийство... Западная критика, пока мы были в СССР, не скупилась по нашему адресу на самые преувеличенные эпитеты. Определения вроде "второй Толстой" или "второй Чаплин" сделались штампами по отношению к представителям литературы и искусства из Советского Союза. Могу себе представить, что было бы с ними, если бы они "сошли с ума" от этой словесной шелухи и остались на Западе" (Р. М. 17.4.87).

В другом сообщении "Русская мысль" цитирует заявление художника М. Шемякина московской "Литературной газете": Хочу предостеречь некоторых знакомых мне земляков от расхожих иллюзий в отношении

Запада. Хотя мне здесь вроде бы повезло, но это редкое исключение. Большинство тех, кто рвался за границу в надежде на быстрый успех, оказались тут никому не нужны. Двое художников повесились, третий отравился газом, четвертый спился и умер от цирроза печени". Автор статьи К. Кривошеина снисходительно добавляет: "Что же, кое-что из сказанного Шемякиным, — правда" (Р.М. 15.5.87).

— И кто же они, каковы их имена? — спросим мы; неужели в "Русской мысли" цензуруют даже память мертвых?

"Русская мысль" не сообщает и того, что в апреле вернулась в СССР из Парижа Ирина Одоевцева, автор мемуаров "На берегах Невы" и "На берегах Сены". Если бы не письмо Е. Веденеевой в "Нашей стране" (23.5.87), мы ничего не узнали бы. Дело "Русской мысли" как относиться к совпателям и возвращенцам, но как можно скрывать такие вещи?

15 мая "Русская мысль" поместила статью Пьера Ригуло "Советская пропаганда и СПИД". Кажется, это первое упоминание в газете об ЭИДС. Читатели могли бы спросить редакцию: А что это такое? — Но не спросят, зная кургузную стыдливость этой газеты, которая замалчивает даже Гнев Божий (французские журналы пишут о "сексуальной контрреволюции").

Г. Владимов произносит жалкие слова об эмигрантской прессе: "Независимый журнал нужен, и очень. Но все несчастье, что эмиграция его не окупит. Какой бы прекрасный журнал я ни делал, я едва ли — подписки или розничной продажей — соберу деньги на следующий номер" (Форум, №16, 1987, с. 167). Хотелось бы сказать ему: а вы отмените цензуру, выступите **против** эмигрантского истеблишмента и повернитесь лицом к читателю, тогда и поговорим!

"Русская мысль" сообщает о сессии Всемирного еврейского конгресса в Будапеште, где был продолжен поход против Курта Вальдхайма. (Р.М. 15.5.87). Дело это производит очень странное впечатление. Всемирный еврейский конгресс — это никем не избранная организация, которая выполняет декоративные и представительские функции. В силу этого конгресс не имеет права ни на какие политические действия, кроме защиты евреев во всем мире, если им грозит опасность. Дело Вальдхайма, напротив, раздувается искусственно; нельзя понять, кто стоит за кулисами, почему именно сейчас его обвиняют в военных преступлениях, хотя он 10 лет был генеральным секретарем ООН, а до того много лет — министром иностранных дел Австрии. Мы не беспокоимся о Курте Вальдхайме — избранный народом президент Австрийской республики имеет возможности

для защиты. Но жутко смотреть, когда глубоко заураженный Всемирный еврейский конгресс возводится на пьедестал Быка Аписа, а любые разномыслия с этим кумиром — в прессе блокируются. Вот и "Русская мысль" не печатает других мнений по делу Вальдхайма.

Нашумевшая переписка Н. Эйдельмана и В. Астафьева напечатана в "Стране и мире" №12, "Времени и мы" №93, "Синтаксисе" №17 (в чем видна, по крайней мере, гласность), с многочисленными комментариями в других газетах и журналах. Лев Тимофеев в неофициальном московском журнале "Гласность" пишет по этому поводу: "Что первое бросается в глаза? Полное отсутствие хотя бы простейших демократических навыков — и в образе мысли, и в поведении. Подумать только, с какой стати Н. Эйдельман обращается с **личным** письмом к В. Астафьеву, которому, очевидно, не симпатизирует, от которого никак не может ожидать ни понимания, ни хотя бы доброго слова? Что это — намеренная провокация? Не думаю. Причина, видимо, иная: письма Н. Эйдельмана — наболевшая потребность **публичного** обсуждения важных проблем русского общественного сознания" (Р.М. 17.7.87).

Со своей стороны добавим следующее. Напрасно Н. Эйдельман (статьи которого в "Знании — силе" я читаю с большим интересом) снова взялся обсуждать грузинский рассказ В. Астафьева — об этом уж говорили на съезде писателей, и того достаточно. Обвинения Н. Эйдельмана по поводу описания татарского нашествия — вовсе неприемлемы. Ничего общего с **теми** татаро-монголами нет у нынешних казахов, бурят, калмыков, крымских татар. Это не их предки, напротив, и Чингисхан, и Тамерлан крушили все на своем пути, не разбирая расы. Чингисхан, как известно, дошел до Вьетнама, а Тамерлан — до Турции. Не были завоеватели также ни мусульманами, ни буддистами.

Строки Карамзина о варварах — тоже притянуты за волосы. Как отметил В. Соловьев, "модный советский историк впадает в историческую ересь о славянах и древнем Риме. Скорее можно поверить, что гуси спасли Рим, но никак не тому, что славяне его разрушили. Ибо на самом деле венеды (славяне) никакой роли в истории Рима не сыграли, в отличие от германцев... Письмо Эйдельмана — еще одно подтверждение слабости либерального лагеря в нынешней России" ("Время и мы", №93, с. 204). Помимо того, история Руси начинается с варягов, с 862 г., никакой исторической памяти до того — нет, поэтому не мог Карамзин думать о прямых предках Руси или хотя бы восточных славян в V веке.

Фраза о "еврейчатах" — и вовсе не

содержит ничего обидного; это похоже на печальный юмор; тем более — упоминание об их учебе в пединституте: ведь нет в СССР более безнадежного вуза, чем педагогический, и одна эта фраза уже свидетельствует об их забитости; и даже чрезмерно — насколько известно, евреи в пединституты все-таки не идут и стремятся в технику.

Ответ В. Астафьева огорчает еще больше. Вместо того, чтобы разумно ответить на нелепые обвинения, он раздражается каскадом оскорблений, легко уязвимых для полемики. Уже с насмешкой ответил московский читатель: "Что нам, русским, мешает заполнить пушкинистику, может быть, процентная норма?" ("Страна и мир", №12, с. 59). Что до евреев-литераторов, то они, разумеется, уходят от политических предметов в литературоведение; впрочем, кому можно запретить изучать русскую литературу, будь то даже эмигранты или иностранцы.

Как сообщает нам С. Тиктин в "Голосе зарубежья" №45, М. Агурский в *Jerusalem post* доказывает "страшный вред и опасность, которые представляет русскоязычная пресса свободного мира для Израиля и сионизма, а ее противостояние коммунистической идеологии он называет правым и антисоветским". М. Агурскому, конечно, и книги в руки. Приведем несколько высказываний из его статей.

Из сборника "Из-под глыб": "Жизнь в тоталитарных странах имеет какие-то привлекательные стороны, как всякая жизнь в условиях принуждения. Крепостная Россия и еврейские гетто средневековья отличались размеренным ритмом жизни; каждый точно знал свое место, свои возможности, не бунтовал и, по-видимому, психологически был более удовлетворен, чем современный человек — житель демократической страны" (с. 84).

Из журнала "22" №26: "Я должен сказать, что, по-моему, демократии в Израиле нет. Есть партократия. Могущественные политические группировки борются за власть и теплые местечки для "своих" и готовы даже национальные интересы страны принести в жертву своим узкокорыстным интересам. Отдельные люди и небольшие группы не в силах конкурировать с большими партийными мафиями. Нашу политическую систему еще только предстоит сделать подлинно демократической. Есть ли такие мудрецы, которые предлагали что-нибудь другое? Есть — из евреев могу назвать Авраама Давида Гордона, а не из евреев — князя Кропоткина" (с. 124).

Из журнала "22" №36: "Сионисты-социалисты вдохновлялись желанием вернуться

на землю. Они в этом преуспели, но очень скоро цветущее израильское сельское хозяйство сделало новых "крестьян" богачами, начавшими использовать наемный труд. Израильский социализм хотел построить свою жизнь по образцам общины. Он преуспел в этом, но позднее общины превратились в замкнутые привилегированные группы с их строгими правилами приема, напоминающими правила самых кастовых клубов. Израильский социализм хотел создать гуманное общество, свободное от средневекового наследия, но стал терять впоследствии свои первоначальные гуманистические ценности. Социалистический коллективизм был основой израильской государственной системы, но и он вскоре подвергся коррупции, поскольку социологически мог легко превратиться в нечто, похожее на мафию. Я считаю, что истинный путь израильского социализма — это путь создания общества, управляемого идеалами анархизма, общества, состоящего из отдельных общин с минимальными органами центральной власти" (с. 134—138).

Так что оставим М. Агурского разбираться, есть ли опасность для сионизма или право-антисоветский уклон в его собственных статьях.

В "Форуме" №16 (1987) опубликована статья Эдуарда Беккера "Депортация советских немцев в годы 2 мировой войны". Наконец-то немецкая эмиграция нарушила свое молчание. Мы надеемся, что появятся и другие статьи, рассказывающие о сталинских преступлениях против советских немцев. В статье рассказывается о выселении немцев из Крыма, Украины, Поволжья, Кавказа, Ленинграда, других областей РСФСР. Избежавших этой высылки и переселившихся в Германию также ждала горькая участь: "Те из беженцев, кому посчастливилось добраться до американской зоны, были выданы советским оккупационным властям на основе Ялтинского договора. От союзников не отставали и немецкие власти: вплоть до 1946 г. продолжалась полицейская охота на беженцев. Когда же наконец союзники решились на прекращение выдачи лиц немецкой национальности, было уже поздно: из 350000 человек, переселившихся в Германию в 1943—44 гг., только 100000 удалось избежать насильственной репатриации в Советский Союз. Можно предположить, что из 970000 депортированных немцев (первый поток в начале войны плюс послевоенный) погибло в результате геноцида, от голода и болезней, около 300000 человек — прежде всего детей, стариков и молодых трудоспособных мужчин".

В. ЗАРУБИН

ПОГОНЯ ЗА СТАРИКАМИ

В конце апреля с. г. в СССР был насильно выслан 67-летний Карл Линнас, эстонец по рождению, обвиняемый в соучастии в преступлениях во время войны в Эстонии. Бывший прапорщик свободной эстонской армии был якобы во время войны начальником концлагеря смерти в г. Тарту. Тогда ему было только 22 года, спрашивается, не могли ли гитлеровцы найти среди эстонцев и большого числа "фольксдейтше" более зрелого человека на такой, в глазах нацистов, ответственный пост?

Карл Линнас был в 1962 г. заочно приговорен к смертной казни Верховным судом Эстонской республики. Самое замечательное в этом приговоре то, что он был опубликован в советской прессе до судебного процесса. Об этом сообщает Леонид Владимиров в книге "Россия без прикрас и умолчаний". Вот что он пишет: "Журнал "Социалистическая законность" — орган прокуратуры СССР — решил дать отчет о процессе. Но как это сделать? Если послать корреспондентов на процесс, то отчет мог появиться только в апрельском номере — технология выпуска всякого советского журнала отнимает 18—20 дней... Редактор журнала за два месяца до суда послал корреспондента к прокурору Эстонской ССР, который охотно дал журналисту не только текст своей будущей речи, но и текст приговора — в лучшей традиции советской законности приговор был изготовлен задолго до суда. Журналисту осталось немного: только дописать, что суровый, но справедливый приговор — смертная казнь для всех обвиняемых — был встречен публичной единодушным одобрением... Январский номер "Социалистической законности" с отчетом о процессе должен был выйти в свет 15 января. Суд был назначен на 2 января с окончанием через 3 дня, так что все выглядело отлично. Однако... открытие процесса отложили на две недели... суд открылся 16 января. И люди входили в зал, держа в руках свежий номер журнала с отчетом об еще не начавшемся процессе, со смертным приговором и сообщением о "единодушном одобрении" приговора публичкой" (Л. Владимиров "Россия без прикрас и умолчаний", Франкфурт-Майн, 1969 г., стр. 229—230).

Нужно очень ясно отметить, что по американским законам никого нельзя судить за что-либо совершенное не на территории США и не против американских граждан, да еще до принятия американского гражданства. Так что судебные процессы в США рассматривают лишь вопрос, утаил ли данный человек что-либо из своего прошлого, когда принимал американское гражданство. Если утаил, то

его лишают гражданства и автоматически высылают из США, т. е., в противоположность западноевропейским странам, США не разрешают жить на их территории бесподданным.

Скрыто может быть и что-либо само по себе не преступное. В "Посеве" №8 за 1987 г. опубликован отчет о деле В. Самарина, где сообщается, что Самарина лишили гражданства за то, что, принимая гражданство, он сказал, что писал антисемитские статьи 45 лет тому назад в издававшейся тогда в Орле газете "Речь" не совсем добровольно. Но его бывший начальник, который знал русский язык и был ответствен за всю газету, носившую антисемитский характер, и который живет сейчас в Западной Германии, Альфред Бей, показал, что Самарин писал статьи добровольно. Бей сейчас член общества советско-германской дружбы. Чего стоит достоверность его показаний? Немец, отвечавший за всю газету, живет припеваючи, а русский, заматавшийся между двумя тоталитарными режимами и двумя жестокими диктаторами, не только лишается гражданства, но, возможно, будет насильно выслан в СССР, где его убьют, конечно, не за антисемитские статьи.

Но, может быть, человек ничего не скрыл и не соврал, а на него в КГБ составили фальшивые "документы" или его "заложили" "свидетели", которых американские представители созданного президентом Картером Особого отдела допрашивают на территории СССР в присутствии советского прокурора. Этих "свидетелей" и винить трудно, если они "узнают" по фотографии и тех, кого никогда в жизни не видели.

Хотя Линнас был приговорен "только" к высылке из США, эта высылка стала равнозначной выдаче: ни одна страна не захотела его принять. Панама согласилась было, но потом отказалась, видимо, испугалась. Левая пресса затравила бы такую страну. Сам Линнас до конца утверждал, что никаких преступлений не совершал и, конечно, не был комендантом лагеря в Тарту.

И вот на всех западных телевизионных экранах было видно, как агенты Эф-Би-Ай толкают и тянут к чехословацкому самолету небольшого роста седобородого старика в очках, который упирается и кричит им что-то по-английски. В прессе было по этому поводу много нелестных комментариев. В лондонской газете "Таймс" от 24 апреля 1987 г. Барбара Эймель (кстати, еврейка) написала следующее: "Показывали пожилого (67-летнего) человека, Карла Линнаса, которого в Нью-Йорке заталкивают в машину. Он уезжает в Советский Союз, куда он ехать

не хочет. Один из сопровождавших его полицейских надавил рукой ему на голову, приплюснув его шляпу к черепу, чтобы впихнуть эту голову в машину, как мы поступаем с переполненной продуктовой сумкой. Я видела лицо Линнаса на экране. Выражение глаз у него было, как у зверька, прижатого к стенке и ослепленного лучом прожектора. Голова дергалась, за длинной белой бородой было видно, как двигаются губы. Комментатор пояснил, что он кричит: "Бог да благословит Америку..."

Я никогда не сомневалась в том, что есть военные преступники и изменники, скрывающиеся от наказания, и что кое-кто из них скрывается на Западе. Но то, что волнует меня в истории Карла Линнаса, не имеет отношения к вопросу о его виновности или невиновности. У меня нет никакой возможности разобраться в этом вопросе и оценить степень его вины. Был ли он — как гласит обвинение — начальником концлагеря, убившим сотни или тысячи людей?

Не знаю — может быть. Может быть, он был коллаборантом. Может быть, он был эстонским националистом, фанатичным антикоммунистом, ожесточенным страшными преступлениями, которые коммунисты совершили против эстонского народа. Если это сотрудничество с немцами было продуктом его патриотического национализма, по всей вероятности, у него были бы какие-то аргументы для защиты, если бы ему дана была возможность защищаться.

Но этой возможности у него не было. Вопрос о совершении им военных преступлений никогда не будет рассмотрен справедливым судом. В США разбирается исключительно вопрос о правдивости заявлений, сделанных им, когда он просил разрешение на въезд в эту страну. Это было гражданское дело. Свидетельства, которые использовались против него, представлены были советскими властями; они никогда не будут рассмотрены компетентным судом по уголовным делам. Вполне возможно, что такой суд отказался бы принять во внимание подобные свидетельства.

Теперь Линнас отправлен на смерть.

Карл Линнас умер через несколько недель после выдачи "естественной смертью". Мы все знаем, какой "естественной" смертью умирают в советских тюрьмах. Но неужели даже советская власть постеснялась его расстрелять?

Кстати, выдача Линнаса СССР оказалась важным международным актом: тем самым США признали аннексию Балтийских стран Советским Союзом в 1940 г. До сих пор они этой аннексии не признавали. Что за новая дружба с "империей зла" (слова президента Рэйгана)?

27 июля 1987 г. был расстрелян украинец Федор Федоренко 83-х лет от роду. По советским данным, Федоренко служил в "Зондеркомmando СС" Треблинского лагеря смерти на территории Польши, якобы расстреливал невинных людей, загонял их в газовые камеры. Над ним был открытый суд в Симферополе. Федоренко твердо стоял на том, что он был в СС, но в расстрелах и убийствах в газовых камерах не участвовал. Ни западная пресса, ни, тем более, советская не уточнила, был ли Федоренко, по его заявлениям, в СС или в Ваффен-СС. Здесь этой разнице не придают значения, а она — огромная. Ваффен-СС были боевые отряды, как правило, сражавшиеся лишь на фронте и не принимавшие участия в зверствах. Еще следует добавить, что из иностранцев, желавших сражаться против коммунизма, также из эстонцев, латышей, литовцев и западных украинцев, немецкие власти создавали отряды Ваффен-СС, их не брали в регулярную немецкую армию. Если Федоренко был в Ваффен-СС, а не в СС, то очень возможно он и не был в Треблинке и не совершал злодеяний. И этот вопрос в американских судах не рассматривали, а только установили, что в 1949 г., при въезде в США, он утаил, что был вообще в каком-то СС. Но тогда люди были в панике и стремились за океан, они скрывали все, что могло помешать получить им визу, хотя бы это и не было преступлением.

Но так или иначе, советская власть ликовала. Она могла громко объявить, что никогда и никому нельзя поднимать оружия против советской власти, ибо даже после десятилетий гражданства продажные американцы возвратят ее врагов чекистам.

В то же время в СССР живут припеваючи сотни тысяч чекистов, повинных в убийствах миллионов людей! Больше того, они же организуют погоню за стариками на Западе.

Английским властям был передан список из 51 человека с требованием их выдачи. Но английские власти не склонны выдавать своих граждан. Зато представители английского телевидения поехали в СССР и нашли там — вот чудо! — свидетелей, которые "узнали" в этих английских гражданах бывших нацистских палачей. Пока английский министр внутренних дел не обратил внимания на телевидение.

Недавно президент ФРГ Рихард фон Вейцекер был в Москве с шестидневным официальным визитом. Он не смог добиться освобождения молодого немецкого летчика Матиаса Руста, неожиданно приземлившегося на одномоторном спортивном самолете "Чесна" рядом с Храмом Василия Блаженного на Красной площади в Москве, но зато президенту был вручен список с 16 именами,

выдачи которых СССР требует. Газета "Ди Вельт" напечатала эти имена. Кроме одной, звучащей по-украински, фамилии, это все немцы, бывшие советские граждане, теперь уже давно граждане ФРГ. Президенту вряд ли следовало брать этот список, но, во всяком случае, судебные инстанции в ФРГ сразу же заявили, что имена эти известны и

данные были проверены, но оказались не-состоятельными. Так или иначе, виноват кто из них или нет, ФРГ своих граждан никому выдавать не будет.

В США же, согласно печати, идет сейчас 380 процессов лишения гражданства и предвидится еще больше.

В. ПИРОЖКОВА

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Германская социал-демократия — самая почтенная в Европе. Правда, ее руководители спорят, кто является ее настоящим "отцом", Карл Маркс или Фердинанд Лассаль, но ведь и спор между двумя последними был спором между "кузенами", обуславливавшимся в значительной степени диктаторскими наклонностями Карла Маркса, крайне недовольного тем, что он, как эмигрант, автоматически был отключен от непосредственного руководства немецкими социалистами. Интересно, что Маркс все еще придерживался своей концепции сначала свержения монархии в Германии и буржуазной революции, тогда как Лассаль считал, что буржуазная "революция" в Германии уже произошла мирным способом и теперь следует стремиться к пролетарской революции.

Однако немецкая социал-демократия, к великому гневу Ленина, пошла по умеренному пути. Достаточно прочесть злобные нападки Ленина хотя бы в "Государстве и революции" на Каутского и его теорию мирного отмирания демократического государства. По Ленину, сначала должно быть свергнуто любое, также и демократическое, государство, насильственно, революцией, установлена диктатура пролетариата, которая потом якобы каким-то образом отомрет. Он так и поступил: разгромил весь государственный аппарат, как он и требовал в написанной летом 1917 г. книге, но установленная им диктатура (относительно не пролетариата) пока что, увы, отмирать не собирается.

Немецкие социал-демократы в войну 1914—1918 гг. стали на патриотическую платформу и голосовали в рейстаге за военные кредиты. После свержения монархии первый республиканский президент, социал-демократ Эберт, разгромил левые революционные движения, в том числе и кратковременную советскую республику в Баварии.

Этим, однако, были недовольны более крайние элементы в партии. Эберт был в партии не очень популярным. Тем не менее основная масса немецких социал-демократов осталась умеренной, но в начале 20-х гг. от нее отделилась радикальная часть, основавшая германскую коммунистическую партию при

помощи советской власти в России. Сталин составил тогда 14 пунктов для основывавшихся в Европе компартий, и эти пункты во многом совпадают с сегодняшней политикой советского руководства по отношению к иностранным компартиям: Сталин подчеркивал необходимость самостоятельного пути этих партий, отрицая слепое копирование российской компартии.

В конце 20-х гг. от немецкой социал-демократии отделилась еще одна левая радикальная группа, назвавшая себя УСДП (унабхенгиге социал-демократише партей, т.е. независимая социал-демократическая партия). К ней присоединился молодой Герберт Фрам, взявший потом в эмиграции псевдоним Вилли Брандт и ставший известным под этим именем. УСДП находилась где-то между социал-демократами и коммунистами. Имела ли бы эта группировка шансы на успех, трудно сказать: вскоре к власти пришли национал-социалисты, началось гонение не только против коммунистов, но и против умеренных социал-демократов, и неокрепшая группировка УСДП растаяла бесследно.

Единственный, ставший впоследствии широко известным, ее представитель, Вилли Брандт, склонялся сначала к коммунистам, он был близок к ним во время испанской гражданской войны, где он был корреспондентом, и в одной из своих речей в Париже в 1936 г. он назвал СССР единственной надеждой всего человечества. В Швеции, куда ему удалось бежать после оккупации Норвегии германскими войсками (сначала он был в Норвегии), он встречался с Гербертом Венером, который был тогда крупным представителем советской шпионской сети за границей.

Но после войны Вилли Брандт, вернувшись в Зап. Германию из эмиграции, включился в ряды социал-демократической партии, тогда полностью размежевавшейся с коммунистами (о чем еще будет речь). В эту же партию попал и Герберт Венер. Стоит кратко остановиться на биографии этого человека. Молодой саксонец стал еще до прихода Гитлера к власти коммунистическим депутатом в Саксонском ландтаге. Потом он стал личным

секретарем председателя немецкой компартии Германии Эрнста Тельмана, о котором мы в СССР детьми должны были на демонстрациях распевать:

Дорогу Тельману,
Свободу Тельману,
Вождь пролетариев да будет жив.

Но не успевший бежать Тельман погиб в нацистском концлагере, а Венер бежал в Москву, где жил в знаменитой гостинице "Люкс", убежище иностранных коммунистов. Венер был одним из немногих иностранных коммунистов, которые под псевдонимом писали в "Правде" и выступали по советскому радио. Когда произошел разлад между немецкими коммунистами в Москве и группа вокруг Пика и Ульбрихта донесла Сталину на группу Неймана (последние были в 1937 г. расстреляны), Венер примкнул к победителям. В 1938 г. он был отправлен как агент за границу, сначала в Прагу, откуда он переехал в Париж, а после вторжения германских войск во Францию перекочевал в Швецию и там обосновался со своей агентурной сетью. Как известно, Швейцария и Швеция были во время войны центрами взаимного шпионажа воюющих сторон. В 1943 г. Венер был арестован как советский агент. На допросах он выдал некоторых своих советских соагентов и был с позором исключен из компартии. В Швеции он получил мягкий приговор: год тюрьмы и интернирование до конца войны. После войны Венер был выслан в Зап. Германию с запрещением въезда в Швецию. Социал-демократы сразу же приняли его в свои ряды, а Брандт выхлопотал ему потом разрешение посещать Швецию.

Еще до прихода Гитлера к власти социал-демократы предложили коммунистам бороться вместе против национал-социалистов, но это предложение было последними отвергнуто. Коммунисты тогда думали, что они справятся одни. Такова была и линия советских экспертов. Или коммунисты до Гитлера захватят власть в свои руки, или же Гитлер придет к власти ненадолго и после него наступит час коммунистов. Социал-демократы они тогда всячески бранили и не хотели иметь с ними никакого дела.

Коммунисты ошиблись в своих расчетах и радикально изменили свою тактику. Как известно, VII Конгресс Коминтерна в 1935 г. закрепил эту новую тактику. Теперь коммунисты предлагали социал-демократам и социалистам всех стран "единый фронт", а либеральным партиям "народный фронт" в борьбе против "фашизма". Контакты в подполье, а тем более в концлагерях были неизбежны. Коммунисты старались внушить социал-демократам, что они, коммунисты, дей-

ствительно радикально боролись против Гитлера, и кое-кого убедили. К концу войны снова образовалось левое крыло социал-демократов, стремившееся к сотрудничеству с коммунистами.

Не следует думать, что предпринятое в советской зоне оккупации Германии объединение между социал-демократами и коммунистами было исключительно насильственным. У социал-демократов были члены, которые шли на это добровольно. Тогда произошел некоторый региональный обмен социал-демократами: те, кто был против объединения, ушли на Запад (тогда это еще можно было сделать через Берлин), другие же перебрались на Восток. Конечно, речь идет о наиболее активных и подвижных. Более пассивные остались там, где они жили, и оказались в рядах той партии, которая была в их местности: в советской оккупационной зоне и потом в ГДР это так называемая Единая социалистическая партия; в западной части Германии — прежняя социал-демократическая партия.

Отделавшись от своих активных левых элементов, СДПГ в Федеративной Республике была сначала весьма антикоммунистична. Может быть, некоторым читателям эти слова покажутся странными, т. к. СДПГ была против НАТО, против вооружения Западной Германии, склонялась к ее нейтрализации и тем самым играла фактически на руку СССР. Нет сомнения, что приди СДПР в первые послевоенные годы к власти, она погубила бы свободную Германию. Но у большинства руководителей СДПГ играла роль склонность к иллюзиям, неумение правильно оценить положение, реально посмотреть на вещи, мешали оковы так и не преодоленной окончательно марксистской идеологии, но никак не склонность к реально существующему социализму. На идеологическом фронте они развивали даже большую активность, чем тогдашние христианские демократы, которые сделали все, чтобы укрепить положение молодого государства и дать толчок промышленности, но идеологической борьбой интересовались меньше. СДПГ даже посылала на ту сторону баллоны с листовками; многие социал-демократы, оставшиеся в восточной зоне и не захотевшие войти в объединение с коммунистами, действовали в подполье, снова попадали в тюрьмы и новые концлагеря. У СДПГ было так называемое "Восточное бюро", которое руководило всей этой деятельностью.

Это Восточное бюро давно закрыто, а возвращавшихся из тюрем ГДР социал-демократов нынешняя СДПГ перестала даже принимать в свои ряды.

Трудно пока еще полностью осветить роль в СДПГ Герберта Венера и Вилли Брандта.

В 1959 г. Венер разработал план объединения Германии, который предусматривал надправительственные органы, которые должны были постепенно стать общим правительством, образованные паритетно, т.е. 60 миллионов жителей Западной Германии должны были послать в эти органы столько же представителей, сколько и 17 миллионов жителей ГДР. Совершенно ясно, что если б этот план был бы проведен в жизнь, он обеспечил бы победу коммунистов во всей объединенной Германии. Конечно, он не имел никакого шанса на успех. Но даже в самой СДПГ тогда большинство отнеслось к этому плану отрицательно. Венер положил его под сукно и быстро перебежал на правую сторону своей партии. В 1960 г., на знаменитом съезде СДПГ в Бад Годесберге, Венер протолкнул немарксистские решения относительно проблем хозяйства. Многие подумали тогда, что немецкая социал-демократия окончательно отказалась от марксизма. На деле это было не совсем так.

Венер также прекрасно понимал, что социал-демократы ни в коем случае не смогут получить на выборах абсолютного большинства. Коалиция со свободными демократами (СвДП) казалась тогда невозможной, т.к. они были наиболее ярко выраженной капиталистической партией и не подходили даже поправевшей СДПГ. Между тем СвДП начала заниматься буквально вымогательством по отношению к ХДС/ХСС, потерявшим на выборах в 1961 г. абсолютное большинство. СвДП думала, что без нее ничего не обойдется. Она поставила условием, чтобы Аденауэр ушел с поста канцлера через два года после выборов и был бы заменен Эрхардом, несмотря на то, что последний, хороший министр финансов, не годился на пост канцлера. Это стало очень скоро ясно, и самая большая партия не знала, что ей делать, как избежать шантажа маленькой партии либералов. Возникло серьезное намерение изменить избирательную систему так, чтобы одна из больших партий всегда получала абсолютное большинство и не зависела от 5—6% избирателей, отдавших свои голоса за ту или иную маленькую партию. Венер и предложил ХДС/ХСС составить так называемую "большую коалицию", чтобы провести новый избирательный закон, который нуждался в 2/3 голосов бундестага. Венер сумел обойти очень ловко значительных деятелей ХДС/ХСС и уверил их, что вместе с СДПГ в так называемой "большой коалиции" они проведут соответствующий закон. Но, войдя в правительство, Венер и СДПГ и не подумали выполнить своего обещания о новом избирательном законе: Венер хотел ввести СДПГ в правительство, чтобы показать избирателям, что социал-демократы могут управлять, Ве-

неру было бы совершенно невыгодно помогать изданию нового закона, по которому ХДС/ХСС была бы, вероятно, постоянно одна в правительстве, т.к. по этому новому закону самая сильная партия в бундестаге имела бы автоматически абсолютное большинство, а все послевоенные годы самой сильной партией была до тех пор ХДС/ХСС.

Брандт стал в большой коалиции министром иностранных дел и за спиной канцлера, который согласно конституции определяет направление внешней политики, через посредничество итальянских коммунистов, договорился с Москвой о так называемых Восточных договорах, где Западная Германия сделала СССР и коммунистической Польше все те уступки, которые прежние правительства стойко отвергали все послевоенные годы. На выборах 1969 г. СДПГ получила столько голосов, что вместе с СвДП они могли с трудом создать большинство в бундестаге, но ХДС/ХСС была по-прежнему самой сильной партией. СвДП считается партией большого капитала. Отчасти это так и есть. Из этого, однако, многие делают совершенно неправильные выводы, что эта партия особенно антисоветская. Это неверно. Она, конечно, не хочет коммунизма здесь, но ее покровители хотят торговать с СССР и другими коммунистическими государствами, поэтому во внешней политике она готова идти на многие уступки. За спиной канцлера Кизингера СДПГ и СвДП договорились преимущественно ради перемены курса внешней политики составить правительство, если у них будет хотя бы небольшой перевес в числе депутатов. Это и имело место в 1969 г.

Еще во время большой коалиции Венер, министр по общегерманским делам, ликвидировал ряд изданий этого министерства, информировавших население о положении в ГДР. В СвДП произошли, конечно, изменения. Лидер Эрих Менде ушел не только с поста лидера, но потом и из партии, лидером стал Вальтер Шель. Он получил пост министра иностранных дел и вместе с новым канцлером Брандтом и его помощником, весьма странным Эгоном Баром, моментально заключил выгодные для Москвы и Варшавы договоры. Но не все в СвДП были с этим согласны. Ряд ее депутатов ушли из партии. Минимальное большинство новой коалиции растаяло, как снег на весеннем солнце. Оказались необходимыми преждевременные выборы, которые были назначены на ноябрь 1972 г. Для Брандта была развернута сильнейшая пропагандная кампания. Он получил Нобелевскую премию мира, на предвыборных плакатах его изображали с глазами, поднятыми к небу. Не хватало только венчика вокруг головы. Все это сыграло роль: на

выборах в 1972 г. СДПГ впервые стала самой сильной партией в бундестаге, хотя и не получила абсолютного большинства. Но коалиция с СвДП сохранилась.

Однако странным образом после такой большой победы престиж Брандта начал падать катастрофически быстро. Необыкновенно быстро стало ясно, что Брандт управлять страной не может. Он может позировать, возводить глаза к небу, но не умеет вести ежедневной работы по управлению страной. Как грибы после весеннего дождя, возникли многочисленные очень злые анекдоты, больше того, Брандт был первым и пока единственным послевоенным германским канцлером, о котором рассказывали анекдоты, которые я называю "тоталитарными", т. е. такие, которые рассказывались о Сталине и о Гитлере. Венер, хотевший сохранить власть для партии, начал пытаться удалить Брандта с поста канцлера. Сначала он хотел побудить его баллотироваться в президенты. Это был бы почетный переход на репрезентативный, но не имеющий политического значения пост. Брандт отказался. Осенью 1973 г. Венер посетил СССР, встретился со своим старым приятелем и бывшим начальником Борисом Пономаревым и в Ленинграде, на территории иностранного государства, назвал Брандта "канцлер без головы". Ходили слухи, что Венер грозил Брандту разоблачением его зротических пождений, если он не уйдет с поста канцлера. Брандт упрямылся. Весной 1974 г. разорвалась бомба: был арестован референт Брандта, близкий его сотрудник Гюнтер Гийом по обвинению в шпионаже в пользу коммунистического блока. Гийом "перебежал" в Западную Германию в 1954 г. 20 лет он успешно работал как агент влияния в СДПГ и постепенно поднялся до поста референта канцлера. Я лично не исключаю возможности, что его работодатели пожертвовали им сознательно для того, чтобы убрать Брандта с поста канцлера. Было ясно, что при Брандте СДПГ проиграет уже на следующих выборах.

Канцлером от СДПГ стал Гельмут Шмидт. Экономист по образованию, он не мог, правда, приостановить задолженность государства, которая все росла, и против своей партии и ее идеологии провести необходимые в хозяйстве реформы, но он все же значительно затормозил скольжение хозяйства по наклонной плоскости. Он задержал также "распродажу" во внешней политике. Больше того, Шмидт первый поднял вопрос о необходимости установления американских ракет средней дальности прицела после того, как СССР установил в Восточной Европе свои СС-20 и СС-21.

Шмидту удалось вместе со СвДП выиграть выборы в 1976 и 1980 гг., хотя уже в

1976 г. СДПГ снова стала второй по количеству голосов и депутатов, а ХДС/ХСС удалось получить 48% всех голосов. Но СвДП помогла Шмидту остаться канцлером.

Но Шмидт все в меньшей степени выражал мнение своей собственной партии. Став канцлером, он оставил Брандту пост председателя партии, что в Германии было необычно. Уже потом Шмидт признал, что это была его ошибка. В то время как Шмидт старался держаться политической середины, партия под осторожным руководством Брандта все сильнее уходила налево. Многочисленные круги в партии были недовольны тем, что Шмидт недостаточно борется против небольших и средних предпринимателей, недостаточно прижимает их налогами. Как мне сказал один молодой социал-демократ: "Средний слой — это наш самый главный враг". Они хотели бы искусственно создать положение, предсказанное когда-то Марксом: слой крупных монополистов и более или менее неимущую массу. Шмидт на это не шел, но и поправить хозяйство по-настоящему, уменьшить все возраставший государственный долг и так же растущую безработицу он тоже не мог. Шмидт оказался между двух огней, стало ясно, что либо он еще до конца последнего легислатурного периода (1984 г.) должен будет уступить место более левому члену своей партии, или СвДП должна пересмотреть свое коалиционное решение.

СвДП во внешней политике склонялась больше к СДПГ, но в хозяйственной политике сочувствовала взглядам ХДС/ХСС.

В сентябре 1982 г. министр хозяйства граф Ламбсдорф решил сознательно вызвать кризис: он подал канцлеру Шмидту программу по ведению хозяйства, которую Шмидт под давлением своей партии должен был отклонить. Он это и сделал. Тогда министры СвДП вышли из правительства, разорвав коалицию.

Создалась новая коалиция между ХДС/ХСС и СвДП, которая выиграла преждевременные выборы в 1983 г. и регулярные в январе 1987 г. Министром иностранных дел остался Ганс-Дитрих Геншер, который был им и при канцлере Шмидте. Хотя канцлер должен по конституции направлять внешнюю политику, на самом деле в новой коалиции ею распоряжается Геншер. Так что маленькая партия СвДП добилась своего: она сохранила внешнюю политику прежней коалиции и получила изменения в хозяйственном направлении.

СДПГ же под руководством Брандта стала еще скорее скользить налево. Шмидт внутри партии уже не играет никакой роли. После того, как зеленые вошли впервые в один из ландтагов, а потом и в бундестаг и в другие ландтаги, Брандт заявил, что появилась новая возможность большинства слева от ХДС/ХСС,

а именно его партия + зеленые. Многогрудальному Гессену первому пришлось испытывать эту коалицию. Бывший министр-президент Гессена Хольгер Бернер, скорее правый социал-демократ, вышедший из рабочих кругов, сначала всячески этому сопротивлялся. Он заявлял, что ни за что не сядет за один стол с зелеными и даже назвал их "фашистами". Однако сколько раз ни назначались в Гессене преждевременные выборы, СДПГ не получала больше абсолютного большинства, а СвДП не попадала в ландтаг. Или надо было как-то удовлетворяться кабинетом меньшинства, не имея поддержки в ландтаге, или же пойти на коалицию с зелеными. Переломив себя ради партии, Бернер заключил коалицию с зелеными, сделав "зеленого" Йошку Фишера министром по охране окружающей среды. Нужно отметить, что в Гессене СДПГ управляла все послевоенное время. Гессен так и назывался "красный Гессен". Почти невозможно было себе представить, что в Гессене придет к власти другая партия. Но камнем преткновения стали нуклеарные установки для атомной энергии в мирных целях. Зеленые требовали и требуют немедленного прекращения производства атомной энергии. Т.к. 36% всей энергии в Западной Германии исходит из этого источника, немедленное прекращение ее производства во всей стране повело бы к закрытию многих других заводов и к большой безработице. Поэтому долгое время СДПГ придерживалась того же мнения, что и ХДС/ХСС, которые говорят, что до тех пор, пока не будет обеспечена энергия из других источников (солнце, ветер и...?) атомные установки не могут быть выключены. Они не скрывают, что и в наступающее третье тысячелетие придется вступить с атомной энергией. Однако, решив искать союза с зелеными, СДПГ перешла на среднюю позицию: она отклоняет немедленное выключение атомных установок, но заявляет, что в течение 10 лет их можно будет заменить другими сортами энергии. И в других пунктах они пошли навстречу зеленым. Последние требуют выхода из НАТО и значительного уменьшения германской армии и полиции. СДПГ как таковая, правда, еще держится за НАТО, но любимый кандидат Брандта, министр-президент Саарской области Оскар Лафонтен уже высказывался в духе зеленых.

Номинированный кандидат в канцлеры на выборах в январе 1987 г. Йоганнес Рау, министр-президент земли Рейнская область-Вестфалия, думал, однако, что ему следует отмежеваться от зеленых. Во время предвыборной кампании он постоянно заявлял, что на коалицию с зелеными не пойдет. Но большинство было уверено, что пойдет, если это после выборов станет возможным, а

если он не пойдет, то партия выдвинет другого кандидата в канцлеры, возможно, Лафонтена.

Исход выборов избавил СДПГ от таких размышлений: и вместе с зелеными они не получили большинства в бундестаге. При этом выявилось интересное явление: зеленые, получившие больше голосов, чем на выборах в 1983 г., прибавили себе избирателей почти настолько, насколько потеряла их СДПГ. Произошел обмен внутри негласной коалиции, что ее апологетов сильно беспокоило: ведь от перестановки слагаемых сумма, как известно, не меняется. А этой-то суммы и было недостаточно. Часть избирателей ушла от СДПГ к ХДС/ХСС, и ушли как рабочие. Часть же интеллектуалов, которые все в большей степени определяют идеологию СДПГ, ушли к зеленым. В Мюнхене, например, наиболее "зеленым" по голосованию был так называемый Грюнвальд (и название подходящее: "зеленый лес"), часть города, где расположены виллы богатей: "золотая" молодежь голосовала за зеленых.

Вскоре после этих выборов министр-президент Гессена не выдержал. Его министр Йошка Фишер требовал на собрании зеленых немедленного выключения нуклеарной установки в Алькеме, хотя этими установками ведал не земля, а федерация, и федерационный министр по защите среды Вальман, сам гессенец и долголетний бургомистр Франкфурта, отказался наотрез выключить эти установки. Фишер заявил, что если Бернер не нарушит распоряжение федерального министра, он, Фишер, подаст в отставку. Бернер послал ему телеграмму такого содержания: "Хотя и не принято, чтобы министры заявляли о своей отставке на партийных собраниях, но я вашу отставку принимаю". Бернер, уже больной сердцем (такие компромиссы, заключенные вопреки всей натуре человека, не проходят даром), не выдержал наглостей зеленых. Коалиция в Гессене развалилась, и были назначены новые выборы на 5 апреля этого года. Бернер заявил, что он уходит с поста лидера своей партии в Гессене и не примет поста министр-президента, независимо от исхода выборов. Его заместитель Крольман открыто заявил, что он работает на союз с зелеными. Многие в СДПГ критиковали Рау за его энергичное отмежевание от зеленых и считали, что это было ошибкой. Теперь партия хотела этой ошибки избежать.

Однако еще до выборов в Гессене партию потрясло еще одно событие. Вилли Брандт, несмотря на свой возраст (73 года), хотел остаться председателем партии до 1988 г., когда должны были состояться новые выборы. Но в марте этого года он назначил на пост спикера партии гречанку, хотя и хорошо говорящую по-немецки, но не являющуюся

ни германской гражданкой, ни членом партии, которую она должна была представлять. Она была якобы подругой молодой жены Брандта, что, конечно, не является квалификацией на партийный пост. Впрочем, злые языки говорили об иной дружбе. Тут придется кратко коснуться личной жизни Брандта. Будучи эмигрантом в Норвегии, Брандт женился на норвежке, от которой имеет дочь Нину. Он, однако, оставил свою жену и дочь в Норвегии, с женой развелся и в Германии женился снова, тоже на норвежке, приехавшей к нему сюда. От нее у него три сына: Петер, Ларс и Маттиас (Матвей). Но после того, как у Брандта был несколько лет тому назад сердечный инфаркт, от которого он с трудом оправился, он заявил, что хочет наслаждаться жизнью в свои последние годы. Он развелся со своей второй женой и женился на своей молодой секретарше Бригитте, от которой у него есть годовалый сын. Справедливы ли слухи относительно гречанки или нет, но они возникли и вызвали в партии нечто вроде восстания. Недовольство было настолько велико, что не только гречанка должна была отказаться от предложенного ей поста, но и сам Брандт был вынужден уйти в отставку. Формально новый председатель будет избран в июне. Нет сомнения, что номинированный Ганс-Иохем Фогель, председатель фракции социал-демократов в бундестаге, будет избран. Это — человек без харизмы, сухой, с очень малой силой убеждения. Его прозвище: "старший учитель". Многие считают его лишь переходным кандидатом, хотя он сам резко возражает против таких предположений. Фогеля считают не левым, а умеренным политиком, но он уже не раз показав, что у него нет твердых убеждений и он готов защищать те мнения, которые ему диктуют влиятельные лица в партии. Отметим, что большой диабетом, теперь 80-летний Венер уже в отставке и в дела с СДПГ не вмешивается.

Все эти события не могли не отразиться на выборах в Гессене 5 апреля. Результаты оказались поразительными, нечто вроде политического землетрясения. Впервые за послевоенную историю победили ХДС и СвДП, причем кандидатом от ХДС и теперь министром-президентом стал тот самый Вальтер Вальман, который твердо настаивал на продолжении эксплуатации атомных установок в Алькеме. И как раз там СДПГ потеряла наибольшее количество голосов. На круг она потеряла 6%, но в рабочих районах до 10%. Зеленые в общем удержали свои позиции и получили до 20% голосов в университетских районах, особенно в университетском городке Марбурге с очень левым университетом. На этот раз бывшие избиратели СДПГ часто прямо переходили к ХДС, особенно рабочие. У

СДПГ создалось трудное положение: Рау отмежевался от зеленых и проиграл. Крольман солидаризовался с зелеными и проиграл. Какую же тактику вести в будущем?

Мы начали с того, что от социал-демократов все время откалывались левые группы, остававшиеся представляли собой умеренное направление. Теперь создается впечатление, что основная масса партии тянет налево. Но номинация Ганса-Иохена Фогеля как председателя партии вместо левого Лафонтена показалась некоторым комментаторам новым поправлением партии. Выборы в Рейнской Пфальце и, особенно, Гамбурге 17 мая, которые принесли стабилизацию СДПГ и потери ХДС, подтвердили впечатление, что умеренные социал-демократы укрепились, тем более, что в Гамбурге относительно правый социал-демократ фон Донани будет теперь стараться создать коалицию с СвДП под руководством профессора фон Мюнха (правительство аристократов). Мы не можем ждать с окончанием этой статьи результатов этих стараний. Но мы хотим указать на другое.

С тех пор, как СДПГ оказалась в оппозиции, ее руководители начали ездить в ГДР и вести переговоры с Объединенной социалистической партией ГДР (коммунисты). С ними СДПГ заключила договоры о разоружении (убрать все ракетные установки из Европы) и ведет дальнейшие переговоры. Эти переговоры и даже договоры сейчас имеют чисто платонический характер, т.к. СДПГ не является правительственной партией, но они готовят почву для действий в том случае, если СДПГ снова возьмет в свои руки правительство. Якобы относительно правый Фогель в мае 1987 г. ездил к Хонеккеру и вел с ним переговоры о координации политики ФРГ и ГДР. Повторим еще раз: пока это чисто платонические разговоры, но ведь и Брандт в свое время подготовил Восточные договоры, не будучи еще у власти.

Возвращение, на мой взгляд все же полевшей СДПГ, в правительство вряд ли можно ожидать от союза с зелеными, которые уже тоже, как кажется, перешагнули апогей своей популярности (в Гамбурге они получили почти на 50% меньше голосов, чем на предыдущих выборах). Но возвращение к коалиции с СвДП не представляется полностью невозможным. Основой может снова послужить внешняя политика. По вопросу разоружения между ХДС/ХСС и СвДП имеются разногласия, тогда как СДПГ и СвДП по этим вопросам едины. Видные деятели ХДС/ХСС боятся так называемого решения нулевой, согласно которому все ракеты как дальнего действия (1000—5500 км), так и ракеты среднего прицела (500—1000 км) дол-

жны быть убраны из Европы. В этом случае остались бы лишь советские ракеты короткого прицела (до 500 км), которые могли бы достигнуть лишь Западной Германии. Все остальные европейские страны оказались бы вне возможного удара. Поэтому один из немецких политиков партии ХДС выкинул лозунг: "Чем короче прицел, тем мертвее немцы". Кроме того, политиков ХДС/ХСС беспокоит колоссальное превосходство конвенционального вооружения СССР. Один из самых умных и убежденных антикоммунистов из ХДС, еще довольно молодой, но уже играющий в бундестаге большую роль, Юрген Тодденховер сказал, что в вопросах разоружения лошадь запрягают с хвоста: сначала надо было бы договориться об уменьшении конвенционального вооружения, а тогда атомарный щит отпал бы сам собой.

Но министр иностранных дел Геншер из партии СвДП недоступен этим опасениям, он стоит полностью за решение нуль-нуль и аргументирует лишь своим доверием к аме-

риканской администрации (тогда как другие союзники тоже обеспокоены, особенно Франция). Фогель же призвал к народным акциям, чтобы оказать давление на канцлера Коля в вопросах разоружения. И надо сказать, что "решение нуль-нуль" у недумавшей массы популярно. Им кажется, что если в Европе не будет американских ракет, то все уже будет хорошо. Этим в значительной степени объясняются потери ХДС на выборах 17 мая.

Кто-то пустил слух, что Горбачев скоро предложит Германии воссоединение по образцу ноты Сталина 1952 года. Хотя советский посол Квизинский заявил, что это пустой слух, но не исключена возможность пробного баллона: как реагируют немцы на возможность воссоединения и нейтрализации Германии? Это могло бы быть шансом для полевевшей социал-демократии в негласном союзе с восточногерманскими коммунистами и даже не без поддержки СвДП. Но пока это проблемы будущего.

P.S. Моя статья о немецкой социал-демократии предназначалась для июньского номера и была отложена по техническим соображениям. За эти месяцы сдвинулось кое-что в вопросах договора о разоружении, и канцлер Коль фактически полностью капитулировал под нажимом обоих сверхдержав.

Но самое интересное другое: как раз вышло в свет совместное заявление западногерманских социал-демократов и объединенной социалистической партии Восточной Германии (объединение коммунистов и социал-демократов). В своей статье я писала, что обе партии совещаются друг с другом по "вопросам мира". Они совещались два года и теперь выпустили вот это заявление.

Лидер не пошедших в 1945 году на объединение с коммунистами социал-демократов Курт Шумахер (давно покойный) заявил тогда: "Если то, что существует на Востоке, социализм, то европейское человечество должно произнести смертный приговор социализму". Но только что опубликованное заявление начинается словами: "Мы, немецкие коммунисты и социал-демократы..." Дальше говорится буквально: "Социал-демократы и коммунисты считают себя наследниками гуманистического прошлого Европы". В заявлении перечисляются и различия, но все же коммунисты ставятся на ту же плоскость, что и социал-демократы. Заявление содержит призыв к "благородному" соревнованию: "Обе стороны будут оценены согласно их достижениям и успехам, их ошибкам и неудачам". Согласно каким же успехам будут оценены коммунисты? Успехам в новых завоеваниях и обращении в рабство еще свободных народов?

Так или иначе, новый даже не "народный фронт", а "единый фронт" (между социалистами и коммунистами) по программе VII съезда Коминтерна в 1937 г. установлен в Германии. В статье мы указывали на то, что от немецкой социал-демократии регулярно откалывались левые группы. Отколется ли теперь оставшееся в меньшинстве правое крыло? Будущее покажет, но мы сомневаемся.

В. СИДОРОВ

ЕЩЕ О ТРЕСТЕ Роль М. В. Захарченко-Шульц (Окончание. Начало в №44)

Переход границы состоялся поздней осенью 23-го года, и 3 декабря М.В. описывала в письме Марии Петровне как жуткий сон путь через границу втроем, сопряженный с такими трудностями, что только двое, Захарченко и Радкович, достигли цели, тогда

как третий член группы сбился с пути. В этом же письме Захарченко просит Марию Петровну направлять письма ей по адресу Романа Бирка, Малая Кисловка, 5, Москва. Из этого явствует, что с момента приезда в Советскую Россию Мария Владиславовна очу-

тилась в руках Государственного Политического Управления и в ближайшем контакте с Трестом и чекистами, прикомандированными к этой организации, ибо, как сказано выше, Роман Бирк уже являлся агентом ГПУ. Близость контакта двух эмигрантов с Трестом подтверждается донесениями М.В. генералу Кутепову из Москвы, выдержки из которых находятся во Врангелевском архиве, в Институте Гувера, в Калифорнии. Повторив под датой 12-го октября описание перехода границы, изложенное в письме Марии Петровне: "путь очень тяжелый, все время в воде, доходящей временами выше пояса"... спутник "гардемарин Бураковский выбился из сил в этом болоте, отделился", — донесения Захарченко переходят к описанию "организации", т.е. Треста. Согласно ее рапорту, "организация получает крупные суммы от контрразведок Эстонии, Польши и Финляндии, которые она обслуживает". Донесения далее указывают, что организация называется МОР, что, как известно, являлось официальным названием Треста. Донесения перечисляют контакты "организации" за границей и упоминают "Р." (по-видимому Романа Бирка) как "их" агента, т.е. агента Треста, через которого "они посылают корреспонденцию". Подытоживая работу, сделанную за месяц пребывания Захарченко в Москве, донесения М.В. насчитывают 21 письмо, "часть через МОР".

Одно из самых интересных донесений Захарченко, посланное генералу Кутепову через полтора месяца после ее приезда в Москву, относится к распоряжению "устроить меня на службу в... контрразведывательный отдел при ГПУ" через имеющуюся оказию в Таможенном Отделе, ведущем наблюдение за приграничной полосой и поступающей контрабандой.

Помимо этих интересных, но кратких донесений 1923-го года, деятельность Марии Владиславовны за период с 1923-го по 1927-й год в Москве покрыта густой завесой неизвестности. Внезапное сообщение, что она повенчалась с Радковичем, удивило многих ее знавших. Нет сомнения, что Радкович был к ней глубоко привязан и всецело ей подвластен. Она же считала его мальчишкой, верным другом, но не более. К тому же, как выяснилось впоследствии, у нее в Москве завязался роман с Оперпуттом, одним из главных агентов ГПУ, прикомандированным к Тресту. Еще молодой, боевой и, как его описывают советские литераторы, "физически красивый и представительный", Оперпут сумел прельстить Марию Владиславовну, которая стала его любовницей. Но в те годы эмигранты знали о Захарченко только то, что говорили о ней агенты ГПУ из Треста или сообщала она сама во время своих

частых поездок за границу. Разобраться же, где кончалась правда и начиналась ложь, было для неискушенного жителя Запада совершенно невозможно. Рядовому наблюдателю с другой стороны не могло не казаться странным, что представительнице антисоветской эмиграции даются группой в Москве столь ответственные поручения и предоставляется возможность постоянных поездок за границу. Согласно советским источникам, один из визитов Захарченко в Париж был связан, например, с приобретением от немецких ученых через А.И. Гучкова секретного газа для военных целей. При одном из ее посещений Парижа с этой целью она привезла с собой советского "эксперта".

Еще более странной является поездка Захарченко и Радковича в Париж с целью заманить в Советский Союз антикоммуниста Сиднея Рейлли, приговоренного в Москве заочно к смертной казни. Под фиктивной фамилией "Красноштановых" и с рекомендацией чиновника английского Интеллидженса, который, как выяснилось впоследствии, был завербован ГПУ, Захарченко, говоря от имени "крупной" антисоветской организации, убедила Рейлли посетить Гельсингфорс, столицу Финляндии, чтобы встретиться с лидерами МОР. По ее словам, поездка в Финляндию не могла никоим образом быть опасной для Рейлли, так как встреча должна была состояться в самом Гельсингфорсе. Есть данные, что среди заманчивых убеждений Захарченко выделялись намеки на близость Троцкого к организации. Это должно было особенно заинтересовать Рейлли, т.к. на Западе был известен конфликт, существовавший между Сталиным и Троцким.

И, действительно, Рейлли попался на удочку. С твердым намерением не переходить советскую границу он отправился в Гельсингфорс. Там Захарченко ему сообщила, что для лидеров организации поездка в столицу представляет чрезмерную опасность и поэтому встреча должна будет состояться в доме, в деревне, не слишком далеко от советской границы. Рейлли, легкомысленно доверяя рекомендации своего приятеля из британского Интеллидженса и считая Захарченко настоящим борцом против коммунизма, согласился сопровождать ее до места встречи. Дальнейшее покрыто мраком неизвестности. Ясно только, что Рейлли был схвачен в доме, где должна была состояться встреча. Трудно сказать, был ли он убит на месте или перетащен живым через границу. Фальшивые документы — подделки писем Рейлли — и лживые рассказы о происшедшем получали лица, близкие к Рейлли. Но нам в этом деле интересна не столько дата смерти Рейлли, сколько роль Захарченко-Шульц в поимке Рейлли. Прежде всего встает вопрос о причине,

побудившей ее обратиться именно к Рейлли, как возможному сотруднику МОРа. "Организация" Захарченко носила маску монархической и искала союзников в правых кругах. Рейлли же был политически левым и имел мало общего с монархистами. В финансовом отношении он также не представлял особого интереса, так как к 24-му году его ресурсы почти иссякли. К тому же, некоторые члены Кутеповской организации утверждали, что у Захарченко были подозрения насчет истинного характера МОРа, — как же она могла согласиться на операцию, явно предназначенную на поимку Рейлли?

Впоследствии, в письме Пепите, жене Рейлли, она уверяла, что действовала в полном неведении того, что творила. Но М.В. не была глупа, и ответственная роль, порученная ей в деле Рейлли, внушает серьезные подозрения. Поездки Захарченко не ограничивались Парижем. Она ездила также в Финляндию, где поддерживала связь с членами английских служб. Последний ее приезд в Гельсингфорс в сопровождении Оперпута нанес сокрушительный удар эмиграции и вообще антикоммунистическому движению между двумя мировыми войнами. Появлению Захарченко и Оперпута в Финляндии предшествовала телеграмма, подписанная Захарченко и адресованная лицам, связанным с Трестом в Польше. Она потрясла адресатов, которые ее поняли как сообщение о конце Треста. Загадочное содержание телеграммы не могло не взволновать получателей. В кратких словах, без всяких пояснений Захарченко спрашивала, была ли перестрелка на границе и жив ли Гога. Таким образом, ключевая роль по ликвидации Треста выпала на долю Захарченко, которая продолжала эту ликвидацию при своем последнем посещении Финляндии. Три с лишним года прошло с той поры, как она с Радковичем перешла границу Советской России. За это время по меньшей мере двадцать преданных России молодых эмигрантов последовали за ней, поддерживая с ней постоянную связь, и были схвачены ГПУ. Невольно возникает мысль, каким образом она сама избежала этой участи. Бесчисленные рапорты, полные ложных сведений о Советском Союзе, шли через нее организации генерала Кутепова и иностранным службам. И вот снова, при финале Треста, Захарченко выступила как главное действующее лицо.

Захарченко появилась в Финляндии 1-го апреля 1927 года в сопровождении Оперпута и объявила, что ее спутник, чекист, работавший в МОРе на пользу ГПУ, раскаялся и готов раскрыть все тайны Треста. Она стала рассылат многочисленные статьи, содержащие откровения Оперпута, лидерам эмигрантских групп и прибалтийским газетам, где

они охотно печатались. В довоенные годы, когда советское искусство дезинформации еще не было понято Западом, сомневаться в рассказах Оперпута было невозможно, тем более, что гарантией их истинности служила репутация Захарченко как борца против коммунизма. Обогащенному опытом многих лет сегодняшнему читателю бросается в глаза обилие лжи и дезинформации, содержащееся в откровениях Оперпута.

Доверие к Захарченко со стороны эмиграции достигло апогея, когда генерал Кутепов по ее настоянию присоединился к ней в Финляндии и помог ей организовать группу молодежи для террора в России. Тем временем доверие к Захарченко и ее московским коллегам по Тресту в иностранных кругах сильно пошатнулось. Из архивов видно, что английская служба продолжала считать Оперпута советским агентом. Финны называли Радковича провокатором, и поляки ссылались на документы, изобличавшие Захарченко как агента ГПУ. Эти документы пропали во время войны.

Две группы отправились из Финляндии для террора в Россию. Одна под предводительством Ларионова бросила бомбу и вернулась обратно. Вторая группа, в которую вошли Захарченко и Оперпут, заявивший, что возвращается в Россию, чтоб искупить свой грех, больше не возвращалась. Советские газеты стали помещать противоречивые сведения о гибели членов этой группы, указывая, что Оперпут отделился от Захарченко и третьего члена группы. Все трое будто бы были убиты. Просмотр архивов ГПУ, находящихся в Америке, не подтверждает советского сообщения, что Захарченко была убита по пути к западной границе СССР. Также не убедительны описания ее смерти, появившиеся в западной прессе, т.к. внешность убитой женщины не вполне соответствует тому, что мы знаем о М.В.

Судьба героини Треста все еще неизвестна. Интересен слух, возникший в Париже после похищения советами генерала Кутепова. Кутепов был захвачен, когда, по "приглашению дамы в бежевом пальто", добровольно сел в автомобиль, увезший его из Парижа. Кто была эта дама? И несмотря на то, что Захарченко исчезла с горизонта два года ранее, в некоторых кругах эмиграции упорно говорили, что эта дама была Мария Владиславовна Захарченко-Шульц. Неправдоподобный и непроверенный, этот слух не может привести к каким-либо заключениям. Он интересен лишь тем, что показывает степень недоверия, развившегося по отношению к ней в эмигрантской среде.

Изучение Треста показывает, что Захарченко была одним из трех главных действующих лиц в этой советской легенде. Роли были

распределены между нею, Якушевым и Оперпутом. В ее ведении были главным образом английская разведка и Кутеповская организация, т. е. попытки эмиграции организовать оппозицию против советской власти. Оперпут, по-видимому, ведал дезинформацией и эстонскими контактами Треста, в то время как Якушев изображал главный авторитет. В Тресте, как часто бывает в советских делегациях и группах, ведущих переговоры с Западом, роль лидера была фиктивной. На самом деле он — пешка, а настоящим руководителем группы является лицо, представленное внешнему миру как рядовой советский гражданин. Так было и с Трестом, где Якушев являлся лишь ширмой, а настоящее руководство было в других руках. Захарченко, во всяком случае, играла не меньшую, а то и большую роль.

Но тут встает вопрос: каким образом советским чекистам удалось превратить смолянку, боровшуюся в Добровольческой Армии против советской власти, в активного агента ГПУ? Для ГПУ Захарченко с ее светскими и военными контактами в эмиграции была ценнейшим приобретением, и надо отдать должное прозорливости чекистов, которые вместо того, чтобы расстрелять представительницу антикоммунизма, решили ее перевоспитать. Возможно, что они воспользовались ее склонностью к авантюризму, заметной в ее письмах к Марии Петровне. Ей претила рутина, она ненавидела хозяйство, она жаждала действия, борьбы. Вместе с тем, не выражая особой ненависти к советам, она идет в Россию, чтоб "отомстить", как шла когда-то на немецкий фронт. Возможно, что чекисты использовали это желание кому-то отомстить, повернув его против Запада и, следовательно, эмиграции. Возможно, что они раскрыли перед ней обилие агентов, имевшихся в эмиграции и в окружении генерала Кутепова, и убедили, что будущее и право на стороне большевиков. И, наконец, возможно, что увлечение Оперпутом сыграло немаловажную роль в метаморфозе Марии Владиславовны. Поражает уверенность в преданности советам этого недавнего врага, проявленная чекистами, которые разрешили ей свободно общаться с внешним миром во время бесчисленных поездок за границу.

Поверхностного обозревателя иногда удивляет кажущееся отсутствие логики в некоторых поступках Захарченко и в линии Треста. Зачем организации, работающей среди эмиграции и в области дезинформации, вдруг понадобился Сидней Рейлли, человек, уже покинувший английскую разведку и уходящий со сцены? Зачем Захарченко, понимавшей опасность, угрожавшую невозвращенцу со стороны ГПУ, надо было поднимать шумиху в газетах насчет Оперпута? Какую цель

преследовала Захарченко, когда под покровительством генерала Кутепова организовала террористов для похода в Россию из Финляндии? Она ведь безусловно понимала, что ведет террористов на верную гибель, не достигая при этом ничего существенного.

Ответы на эти вопросы принимают совершенно новую окраску, если принять во внимание некоторые события, происходившие в то время в Советской России, и сопоставить политику Треста с этими событиями. Двадцатые годы, после смерти Ленина, были ознаменованы острой враждой Сталина и Троцкого. В борьбе против своего врага Сталин применил способ, названный Троцким "термидорной амальгамой". Иначе говоря, он придумал комбинацию, чтобы погубить Троцкого. Подготавливая материал для шантажа, а, возможно, и для судебного дела против Троцкого, Сталин избрал формулу, согласно которой Троцкий как враг народа был связан с белоэмигрантами и английской разведкой и поддерживал террористов, засылаемых в Советскую Россию. И Трест служил идеальным подтверждением этой формулы. Якушев, представленный как глава Треста и как человек Троцкого, служил главной связью между антисоветскими силами за границей и Троцким. Поимка Рейлли, последовавшая при его контакте с МОРОм, т. е. с Якушевым, другом Троцкого, могла быть явным доказательством связи Троцкого с английскими службами. Развенчание Треста Оперпутом во время его пребывания в Финляндии раскрывало близкую связь, существовавшую между антисоветскими кругами эмиграции и Трестом. Сообщения, появившиеся в советской и заграничной прессе о группах террористов, проникших в Советскую Россию из Финляндии, закругляли сталинскую формулу.

Многое становится понятным, если подойти к финалу Треста и последним действиям Захарченко со стороны сталинской борьбы против Троцкого и если отбросить обильную дезинформацию о Тресте, преподнесенную читателю советскими авторами и их наивными последователями в эмиграции. Шантаж, по-видимому, удался, и Сталину не пришлось прибегнуть к судебному процессу против Троцкого типа тех, на которых он впоследствии специализировался. Вполне возможно, что для успешного завершения шантажа сталинцам пришлось арестовать или даже убить Захарченко, столь честно служившую советской власти.

Надо надеяться, что новый режим гласности, введенный Горбачевым, повлечет за собой раскрытие тайн советских служб государственной безопасности и что мы наконец узнаем истину о роли Марии Владиславовны Захарченко-Шульц и о том, как она погибла.

По некоторым источникам Сергей Васильевич Безобразов, дядя Марии Владиславовны, был сенатором. В действительности он был тайным советником и членом Государственного Совета. Он родился в 1857 году, был женат и имел двух детей, дочь Ольгу и сына Сергея.

Георгий Николаевич Радкович ("Гога") был моложе Марии Владиславовны. Он родился в Петербурге и в 17 лет ушел на немецкий фронт, где получил два Георгия за храбрость. Прошел краткий курс в Пажеском Корпусе и в феврале 1917 года вышел в Лейб-Гвардии Егерский Полк. Бежал из Петрограда после восстания, в котором принимал участие, но был схвачен на финской границе. Снова бежал, перешел финскую границу и присоединился к армии генерала Юденича. После ее роспуска попал в лагерь в Польше, затем пробрался в Крым и после поражения Добровольческой Армии эвакуировался в Галлиполи, а оттуда в Болгарию и Югославию. Был арестован в Польше в июне 1927 года и, после ухода Захарченко из Финляндии в Россию, последовал за ней и будто бы был убит после совершения терро-

ристического акта.

Хотя нет прямых указаний в архивных материалах по Тресту, что контакту Марии Владиславовны с Кутеповым было положено начало во время его посещения Белграда, ее письма Марии Петровне дают понять, что она с ним встречалась. Вполне возможно, что тогда же он согласился считать ее своей представительницей в Москве, если ей удастся туда попасть.

Сидней Рейлли — агент английских разведывательных служб, родившийся в Одессе и до революции проживавший в России. После захвата власти большевиками сделал неудачную попытку организовать восстание против Ленина. Спасся бегством от ареста, но был заочно приговорен к смертной казни советским правительством.

А. С. Гершельман, русский эмигрант, игравший активную роль в эмигрантских кругах в Германии до 1924 года, когда он поступил на службу в частную фирму и отошел от политики. Впоследствии он покинул Германию и переселился в Аргентину. Архив С. П. Мельгунова в Лондоне содержит копии рапортов Оперпута.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Грани" №141. Отрывки из романа недавно скончавшегося в СССР В. Кормера "Наследство" намного выше по качеству "Крота истории", за какового он получил странную эмигрантскую премию **Даля**. Кусок, рисующий разговоры о политике в кулуарах некоего парижского толстого журнала, превосходен и напоминает по манере Алданова. Другой же, изображающий диссидентов, является как бы отголоском "Бесов". Вовсе напрасно, сдается, возражают, что это-де — сатира и пародия. Безусловно, есть в среде оппозиционеров в Советском Союзе и провокаторы, и полубезумцы, какие тут описаны. Впрочем, рядом с ними мы видим и положительные фигуры, вроде Тани, жертвующей на общее дело свои деньги и молящейся Богу за товарищей по борьбе. Длинные, неинтересные и несимпатичные этапные воспоминания М. Хейфеца пущены, явно, — для заполнения места; и зря! В. Краснов дельно разбирает "Красное колесо", защищая Солженицына от обвинений в антисемитизме. По поводу роли евреев в революции и того, что получилось, он справедливо констатирует: "Расцвет был, да и то кратковременный, только для евреев-большевиков да для прикнувшихся к ним оппортунистов, и был он часто за счет других евреев".

Когда знаешь биографию О. Уайльда, — трудно без неловкости и даже некоторой

жути читать его любовное стихотворение в переводе (отличном, впрочем) О. Анстей. Как не удивляться ее выбору! "Стансы" О. Седяковой — ниже ее обычного уровня. И опять-таки: что за фантазия посвящать их... памяти В. Набокова!

В пространных высказываниях Е. Романова о "Гранях", по случаю 40-летия их основания, бросается в глаза их крайне субъективный характер. Например, перечисляя поэтов 2-й волны, писавших в его журнале, он называет И. Елагина и Д. Кленовского и обходит молчанием О. Ильинского, напечатавшего там же свои лучшие ранние стихи. Перечисляя писателей из той же новой эмиграции, он умалчивает о Н. Нарокове (который, правда, в "Гранях" не сотрудничал), а о С. Максимове говорит нечто грубое и безобразное, в самом дурном вкусе: "Он... считал себя писателем; потом он в этом убедил и других". Как бы ни толковать слово **писатель**, Максимов им был (а также и поэтом), и притом талантливым; хотя преждевременная смерть и помешала ему оправдать надежды, которые он сперва вызывал. Из истории "Граней" мы узнаем о закулисной борьбе внутри редакции, о несправедливом отстранении, после 30 лет отличной работы, Н. Тарасовой, не поладившей с Н. Рутченком (который далее оказался к роли редактора неспособен), потом слышим вновь о конфликте с Г. Владимовым, — но

это уже хорошо известно. Думается, неверно сводить сей инцидент к плохому характеру писателя. Конфликт, если не с редакцией, то с массой и с лучшей частью членов Н. Т. С., состоял в проводившейся Владимиром линии совпатриотизма, для них неприемлемой. В целом, заметим, что вряд ли разумно эмигрантскому журналу базироваться **исключительно** на материале из России или **исключительно** для России: он бы должен и русское Зарубежье всегда принимать во внимание. Тогда, полагаем, и столь острые кризисы не возникали бы как сейчас (А. Е. Романов даже намекает на вероятность закрытия "Граней").

№142. Вспоминаешь слова Пушкина, словно провидевшего будущее: "Боже, как грустна наша Россия!", читая рассказы А. Антоновича "Отпуск" о разорении деревни и И. Шенфельда "Бармалей" о лагерях и доносах. Первый из них как бы перепевает тургеневскую "Асю": герой, кажущийся сперва порядочным человеком, обнаруживает затем трусость и черствость по отношению к любимой женщине; настолько, что заслуживает презрение и наставительный выговор со стороны мелкого советского бюрократа, тоже морально не стоящего на высоком уровне. Причем, надо отдать должное автору, он сие падение постепенно подготавливал, раскрывая некоторые черты характера своего главного персонажа. Перекликается рассказ и с другой, еще более старой темой, бытовавшей издавна не только в русской, но и в западной литературе (возьмем, к примеру, "Грациэллу" Ламартина): о любви между барином и крестьянкой. Однако в условиях нынешней России, где непреходимой пропасти между классами все же нет, поведение эпизодически заехавшего в глушь горожанина и литератора выглядит особенно некрасиво.

О **фрагментах** поэмы Е. Шварц скажем лишь, что это — и сомнительное богословие, и сомнительная поэзия. А. Самохин, в очерке "Амурская война", небезынтересно восстанавливает историю отношений между Россией и Китаем, но совершенно запутывается, переходя к современности. Курьезно услышать голос старого боевого товарища, с которым вместе сражались против большевиков в суровых фронтовых условиях, встречая воспоминания Н. Лихачева о начале последней войны.

И №143. Из стихов в номере лучшие, несомненно, — И. Ратушинской; а у нее — то стихотворение, которое начинается словами: "Верьте мне, так бывало часто". Отрывок из романа В. Кормера — слабее, чем прежде.

М. Шнеерсон толково разбирает исторический элемент в "Красном колесе". В. Синкевич, анализируя причины изоляции, в какой оказалась М. Цветаева в Зарубежии, игнори-

рует политическую сторону вопроса, — что делает ее исследование поверхностным и односторонним.

Д. Поспеловский чересчур благосклонно рецензирует книгу Д. Дэнлопа "The Forces of contemporary Russian Nationalism", хотя и обнаруживает в ней ряд грубых ошибок и пристрастных суждений. Его подкупает, что Дэнлоп допускает существование русского национализма (что на Западе редкость!). Но допускает-то он с тем условием, чтобы Российская Империя была разрушена, а будущая Россия сведена к размерам Московского Княжества. Такие друзья, спрашиваешь себя, не хуже ли врагов? Зато попутно Поспеловский дает кой-какие меткие оценки нынешним публицистам на Западе, иностранным и русскоязычным: "Так, сознательно или бессознательно вторя Розенбергу, "на полном серьезе" развивают теории "единого потока" от Ивана Грозного до Сталина и Брежнева западные историки; вторят им и наши традиционно-русские самооплеватели вроде яновых, синявских, зиновьевых да симесов". Удивляет только, что он зачем-то расшаркивается перед злостным русофобом С. Солдатовым, который бы совсем иного заслуживал!

В общем, судя по трем последним номерам, "Грани" прекрасно обходятся без Владимирова; не знаем, как он без "Граней"?

"Новый Журнал" №164. Самое интересное в номере — переписка С. Аллилуевой с Р. Гулем. Но встает вопрос: имела ли редакция разрешение Аллилуевой? Если нет, то ведь и права не имела публиковать ее письма. Письма же удивляют своим трезвым, умеренным тоном и изобилием дельных замечаний. Удивляют потому, что последующие поступки С. Аллилуевой показали ее как женщину эмоциональную, неустойчивую и неумную. Два ее образа плохо мирятся между собою.

Номер посвящен памяти Р. Гуля, и потому занят преимущественно публикацией отрывков из его произведений. Они все, или почти все, были уже в печати, и публике знакомы; в силу чего не стоит их комментировать.

Сочинение Ю. Кашкарова "East — West" — роман? повесть? мемуары? — мне остается непонятно; сколько я ни старался, — ничего решительно, кроме тяжелого утомления, не получалось. Автор, очевидно, знаком и в родстве со всею высшею аристократией Европы; жаль, что представители оной, — по крайней мере, в его интерпретации, — ничего важного, остроумного или замечательного не говорят и не думают. Много цитат на иностранных языках; увы! обычно неверных. Вместо: "Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait", мы здесь читаем: "Si jeunesse savez, si vieillesse

ouvrez"; вместо vorschlagen появляется странное forschlagen.

Остальное все — на уровне посредственности. Может быть, это — переходный период? Пожелаем "Новому Журналу" пережить потерю своего главного редактора и продолжать с успехом свою дальнейшую деятельность.

"Калифорнийский Вестник" №76. В. Сеньютович обижен на мое недоверие к его тезису, будто наши дворяне **выдумывали** себе иностранное происхождение, а на деле были коренные русаки. Но... главные княжеские семьи вели ведь род от Рюрика Гедимины или Чингисхана; и имели тому бесспорные доказательства; а сами Романовы пошли от литовца Камбилы. Люди, которыми мы гордимся не за знатность, как Пушкин (по отцу), Лермонтов, Толстые, Суворов, все имели вполне исторических предков, — выходцев из Пруссии, Шотландии, Литвы или Швеции. А позже, при расширении империи, мы всегда присоединяли ко дворянству местных князьков, вождей или родовых старшин.

Устами Сеньютовича говорит, без сомнения, трогательное, но напрасное желание заступиться за русский народ. Ибо так же бывало часто и в других странах. И главное — нам бы впору **гордиться** тем, что с древних времен и до недавнего на Русь ехали люди (нередко, выдающиеся) со всех концов мира, служили ей и в ней навек оседали. Потомки же их — вот и названные выше, — становились быстро русскими патриотами, преданными своей новой отчизне и живущими ее интересами. Причем это относилось и к тем, которые не русифицировались, как остзейцы, грузины или татары; они доблестно служили своему большому отечеству, России.

Ставить под сомнение генеалогии отдельных дворянских родов, может быть, иногда и законно. Хотя в сей сфере точных документов часто нет, а есть одно предание. В преданиях, однако, обычно заключена правда, если и не всегда полная; почему и опровергать их следует с осторожностью. Из чрезмерного же русского патриотизма легко рождаются бредовые теории вроде антинорманской... Тогда как мы ни в чем подобном не нуждаемся: наша история есть история великого народа, и фальсифицировать ее нам ни к чему; пусть этим занимаются другие!

Что до интересного очерка моего почтенного оппонента, в том же номере, "Готы в Западной Европе", несколько досадно наблюдать в оном, наряду с правильными написаниями типа **Азий**, **Гонорий**, странные начертания вроде **Литориус**, **Петрониус Максимус** или **Авитус**. Согласно русской традиции, данные **-усы** подобало бы неумолимо отрезать. У нас не принято говорить ни

Овидиус, ни **Лукрециус**. Особенно нехорошо выглядят **Страбо** (!) вместо **Страбон**, и **Иорданис**, вместо **Иордан** (этого историка гóтов постоянно цитируют в научных работах и его имя всем специалистам прочно знакомо и привычно).

"Часовой" №№ 663, 664 и 665. Восторженные фразы по адресу Горбачева в отделе "Мысли белогвардейца" подпадают под формулу: "Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!" Каждый раз при появлении на сцене нового советского вождя брюссельский журнал воспламеняется к нему доверием и исполняется ничем не оправданным оптимизмом. Хотя, право, согласно словам некоего подсоветского поэта,

Пора бы уж, как говорится...

Не хочется мрачно восклицать: "Горбачевцев могила исправит!" Наоборот, мы уверены, что "Часовому" быстро придется разочароваться в очередном кумире и убедиться в неизменно сатанинском характере господствующей на нашей многострадальной родине преступной шайки коммунистов. Не знаем, откуда редакция черпает сведения о связях якобы теперешнего генсека с оппозиционными кругами в армии и об их патристических настроениях... Попутно, тут перечисляются прежние упования на Тухачевского Рокоссовского, Жукова... Казалось бы, именно эти **потерянные иллюзии** должны бы отрезать "La Sentinelle" и удержать от новых химерических мечтаний!

По поводу пушкинской годовщины журнал не нашел ничего лучшего, как перепечатать старую статью В. Ходасевича о... "Гавриилиаде"! Об этой вещи, от которой сам поэт (был ли он или нет ее автором) решительно отсекся (и отнюдь не по практическим соображениям!) пусть бы вспоминали большевики; нам же — совсем не подобает. Не ею Александр Сергеевич знаменит. Конечно, военные люди не прочь порою от игровых сюжетов; но все же больше бы им подошло перечитывать "Полтаву", "Капитанскую дочку" или, на худой конец, "Гусара" либо "Казака", чем сомнительную со всех точек зрения поэму.

"Русская жизнь". О. Поляков прозрачно, но неубедительно намекает, будто И. Л. Солоневич являлся советским агентом. Верится с трудом! Разоблачения Солоневича и всей его семьи о советских концлагерях, — не первые по времени, но мастерски изложенные, — оказали сильнейшее влияние на эмиграцию; а отчасти — и на иностранцев; что вряд ли представлялось выгодным большевикам. Годы войны Иван Лукьянович провел в Германии, где, будь против него какие-либо данные, немцы не замедлили бы начать против него преследование. Наконец после войны он продолжал до гроба бороться с

советчиной во всех ее формах, вызывая ненависть совпатриотов, коммунистов и, безусловно, правительства СССР. Зачем же бы чекисты стали организовывать эффективные выступления против своего же режима? И, имея они возможность, почему же бы не пустили в ход разоблачения? От сенсационных откровений г-на Полякова за версту несет клеветой!

Странную линию ведет газета в отношении иностранной политики! Почтительно и скорбно сообщая о смерти Г.Макмиллана, она ни словом не упоминает о его ведущей роли в выдаче казаков в Лиенце, широко известной, однако, русскому Зарубежью. И рядом выражается огненными диатрибами против изгнанного с Филиппин Маркоса, хотя опять же ни для кого не секрет, что его падение составляет гигантский шаг к коммунизации страны, где он управлял.

"Время и Мы" №93. В пространном эссе "Молюсь за тех и за других", Е.Эткинд поставил себе задачу доказать аполитичность М.Волошина (что у него не получилось) и заодно лишний раз рассказать давно всем известную историю Черубины де Габриах. Наткнувшись в процессе своих исследований на элементарную латинскую фразу "Его vox ejus" ("Я — голос его"), он ее неверно переводит как "Я — тот голос!" Неграмотность — неожиданная у бывшего питомца ЛГУ, где, — знаю по опыту, — латынь преподавали добросовестно и основательно. Заодно, и египетскую царевну **Таиах** он превратил в **Тамах**. Ну, г-н Эткинд — человек рассеянный; начини составлять список его промахов, — и бумаги не хватит!

Из перепечатанной здесь же статьи В.Ходасевича "Черепанов" мы неожиданно узнаем имя соучастника по самоубийству Б.Поплавского (которое обычно, Бог весть почему, тщательно скрывают!). Упомянув Григория Исааковича Ярхо, своего приятеля, немножко поэта", автор вскольз добавляет: "Это его сын недавно покончил с собой здесь в Париже, вместе с Борисом Поплавским". Непонятно, отчего же этого самоубийцу иногда именуют то грузином, то и румыном?

"Вече" №25. Самая талантливая сотрудница альманаха, В.Вулич, с его страниц исчезла; зато непомерно разросся О.Поляков, полемизируя с П.Палием об украинском (и о всяком прочем) сепаратизме, а с Р.Днепровым о русском патриотизме (по этому последнему поводу ему здесь же возражают В.Коссовский и некие Н.П. и В.Т.); тогда как, в свою очередь, В.Щубачев полемизирует с Б.Парамоновым о славянофилах. Что о сих полемиках сказать? В споре с Палием Поляков во многом и прав, защищая неделимость России (но не он ли сам прежде настаивал на отщеплении Туркестана?); хотя он пе-

регибает палку, мечтая, видимо, о полном обрусении инородцев (кое: 1) невозможно, и 2) ни за чем не нужно и даже не желательно). В дискуссии же с Днепровым, он безнадежно запутывается в определениях и нюансах. Все мы понимаем, что надо различать между советским строем и подчиненным ему народом. **Этому** нас учить ни к чему. Вот разбирается ли в данном различии он сам? Похоже, — не очень. Что до возражений Щубачева Парамонову (главным образом он упрекает того в недооценке роли религии в мышлении славянофилов), они едкие, но эрудированные. Любопытно, последует ли ответ.

Одно техническое замечание: в биографической справке о В.Новикове, по поводу его работы "Русский государственный орел", упоминается **князь Амеликвари**. Возможно, такая фамилия и существует; но не идет ли скорее речь о хорошо известной грузинской аристократической семье **Амилхавари**?

"Континент" №51. Журнал поскущел и опротивнел до полной нечитаемости. Выделим все же недурные стихи Е.Игнатовой и очерк давно покойного Орвелла о тоже ныне уже покойном Кестлере.

Очень, видно, глупый человек американский писатель (нам неизвестный) К.Воннегут! В своем интервью он хвалит русскую литературу, старую и новую, за то, что мол ее, как и американскую, пишут простые люди для простых людей. Да наша классическая литература — самая аристократическая в мире! И, несмотря на полувековой гнет большевиков, она — все живое, что в ней есть, — отпечаток того и посейчас сохраняет.

"Страна и Мир" №№ 1 и 2. Журнал стал выходить реже, но содержание, вопреки мнению редакции, не сделалось ни богаче, ни разнообразнее. Что до горделивой ссылки на оценку читателей, приведем один отзыв, опубликованный здесь же, — Ю.Кублановского: "Ознакомился с №12 за 1986... Там перепутан дар Божий с яичницей, в одну кучу свалено все, православие (да уж и прямо христианство...), провокация, "аб-личительство", фашизм, Солженицын. Свалено? — нет, в передаче не без уместности сварганено с целью доказать неприемлемое. Понятный страх перед антисемитизмом в эссе "Ходящего — как известно — по водам" Хазанова "По ком звонит потонувший колокол" (по иронии судьбы претендующий на разоблачение "мифа") превращается в... настоящую охоту за ведьмами. "Берегитесь, — заклинает Хазанов, — читая список деятелей революции и — в скобках — их иудейские имена. Цель этих разоблачений..." и т.п. Вот-те на: Эйдельман сетует, что не та фамилия дал писатель герою, а тут уже и имен **подлинных** называть нельзя. Как же писать историю?

Круглый стол на тему: "Что происходит в СССР?" включает высказывания двух родов: наивняков и людей здравомыслящих. Крайний пример первых — Б. Вайль, решивший, что "лед тронулся"; которому вторит Ю. Вишневская. Пример вторых (их мало) — Д. Штурман, красноречиво назвавшая свою заметку "Неисцелимый больной".

Статья А. Ясакова "Желание надежды" глубоко лжива и провокационна. Он отождествляет монархию с большевизмом и получает фальшивый силлогизм: "Русская интеллигенция напрасно не поддержала Александра II, ergo, теперь должна поддерживать Горбачева". На деле, нет ничего общего между режимом, защищавшим национальные интересы России и основанным на принципах христианской морали, и советским тоталитаризмом, строящимся на марксизме. Идеократия, власть ложной идеи, всерьез эволюционировать неспособна; а ее хамелеонские трюки сводятся к обману дураков.

Журнал дает интервью с епископом Л. Проаньо в Эквадоре, изображая его **типичным** идеологом теологии освобождения. Но это неправда. Он сам ясно говорит: "Лично я не верю в идеологию марксизма. Я исхожу из Евангелия и моего личного опыта". То, что он говорит о защите прав индейцев, — в основном человечно и разумно. Плохо лишь то, что, поглощенный своей частной проблемой, он слабо разбирается в мировых событиях.

М. Каганская скрупулезно и подозрительно исследует подсоветские научно-фантастические романы. Действие происходит на иных планетах, на Земле в далеком будущем или иногда в доисторическом прошлом. Но критик неумолима: если отрицательный персонаж или враждебное главным героям племя — брюнетки, ее нюх сразу улавливает иудеобию! Помилуйте, да на земном шаре брюнетки в подавляющем большинстве, да и среди русских черноволосых уйма (и между немцами тоже). Но допустим даже, что у того или иного автора была мысль о евреях и что читатель так его и поймет. Что же, надо все такие книги запрещать? То есть, цензуру не ослаблять, а ужесточить еще? Повествования, где русские выводятся от этрусков или атлантов, суть галиматья; но разве писатели не имеют права сочинять сказки, аллегории, притчи, коль скоро хотят? Публика отличит талантливое от бездарного. Курьезны сообщения Каганской об огромном успехе в СССР апокрифической "Влесовой книги". Но тут уж антисемитизм и вовсе не при чем.

Журнал явно ставит себе задачу — используя и вполне искренних людей, как та же Каганская, — раздуть пламя ненависти между русскими и евреями. Евреев он пугает антисемитизмом, а антисемитизм усматривает

в любом проявлении русского патриотизма. Русских же дразнит, глумясь, будто бы от имени евреев, над нашей верой, нашей историей, нашей литературой, над нашим национальным характером и даже над нашей наружностью (зачем у нас русые волосы!).

Подобная позиция небезвыгодна в эмиграции. Но что из нее выйдет в России?! Силы оппозиции советской власти расщепляются и начинают воевать между собою; национальные противоречия вспыхивают костром.

Пусть нас не обвиняют в угрозах. Но в России русских много, а евреев мало. Зачем бы этим последним делать себя ненавистными большинству, — и ненавистными не без причины, а со вполне реальным поводом?

"Новый Сатирикон" №11. Всегда одно и то же, и про одно и то же!

Я постарела, потолстела,
Обрюзгли щеки, волос сед,
Поизносилось бело тело —
Былой красоты и следа нет!

Остальное — в том же духе. Увы, это и не ново, и не занятно... и совсем уж не смешно!

"Синтаксис" №17. Этот журнал был отвратителен изначально; но если был когда интересен, то перестал. В огромной передовице Л. Ржевского (ничего общего с покойным эмигрантским писателем с той же фамилией!) "Коммунизм — это молодость мира" хороша только первая фраза: "Современный мир, если попытаться взглянуть на него невовлеченно, со стороны, все более напоминает сумасшедший дом". Дальше все — сплошная и мерзкая ложь. Автор противопоставляет Запад и Восток, принимая как нечто бесспорное, что марксизм есть выражение русского национального духа (а он как раз занесен с Запада...). Запад хорош, Восток плох; соответственно подобраны все гадости — от Кюстина и ранее вплоть до отечественного Зиновьева и европейских клеветников вроде М. Окутюрье и К. ван хет Реве, — какие надменные и презрительные снобы изливали на Россию; для Ржевского все это — несомненные истины. Идут в ход, ну конечно же, и Г. Федотов, и Н. Бердяев, и А. Степун. Завершается статья сравнением хороших сортиров на Западе и плохих на Востоке (увы! и это не ново, — ничего нового хулигель выдумать не сумел, — а есть повторение "Сортирной симфонии" более, чем он, талантливой, хотя и ограниченной от природы А. Кторовой). Ну, пусть себе сидит под развесистой клюквой и кушает сочные ломты самовара.

Ю. Вишневская откровенно воспекает Горбачева. Любопытно бы знать: есть ли это позиция "Синтаксиса" в целом? Если да, то впредь о нем можно и не говорить вообще: мы рецензируем эмигрантскую прессу, а

совпатриотические органы в ее состав не входят. А. Кунин анализирует творчество Б. Хазанова; О. Кустарев полемизирует с тем же Хазановым, защищая от его критики Ю. Милославского. Нам и Хазанов и Милославский абсолютно чужды и несимпатичны, да и талантливыми мы их, ни того, ни другого, не считаем. Почему и дискуссия о них для нас скучна и ненужна.

А. Синявский яростно спорит с А. Солженицыным (и, заодно, с Н. Струве и мн. др.). Чувства его, как любит выражаться В. Максимов, кристально прозрачны: ему обидно, что он — для всех и неизбежно, — величина бесконечно меньшая, чем тот. Но что же тут поделать? Никто не может ему помочь. Кроме того, он теперь пытается как-то защититься от репутации поносителя Пушкина и России, которую сам себе создал и вполне заслужил. Объяснения его гроша ломаного не стоят. Допустим даже, что он любит Пушкина, и Гоголя, и даже Россию, на свой уродливый лад. Но сия извращенная любовь — их тех, которые заставляют одержимых ею предмет своей страсти оскорблять, терзать и, — если можно, — даже убивать. Сохрани нас всех Господь от такой любви!

Самый же его сильный аргумент против Солженицына и против всех нас сводится вот к чему: Вы любите Пушкина? — большевики тоже любят! Вы любите Россию? — большевики тоже любят. Значит вы — те же большевики. Логика очень скверная. Если надо во всем и всегда противоречить большевикам, то придется утверждать ряд самых глупых и недопустимых вещей; мало того, придется ежедневно менять точку зрения, ибо они меняют свою.

Да, конечно, мы любим Россию; и именно потому мы ненавидим ее палачей — большевиков. Да, мы любим нашего великого поэта, и потому ненавидим большевиков, которые его образ искажают в своих интересах. А если мы, чтобы насолить большевикам, станем ругать Россию и Пушкина, и всю нашу историю, — мы выйдем у себя почву из-под ног (на радость тем же большевикам!). Нет; пусть у-ж этой эквилибристикой занимается сам г-н Синявский. И его последователи... Но много ли их? Наверяд ли.

Синявский отстаивает свое право быть другим, чем все. Но что для него означает такое право? Он хочет иметь позволение оскорблять, унижать, осквернять то, что для всех людей свято, мило и драгоценно; и чтобы ему в том не мешали, и его свободы не стесняли! Ответим ему формулой, которая ему должна нравиться (ибо восходит к Великой Французской революции): "Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого гражданина".

"Форум" №16. Глубоко отвратительна бе-

седа редактора, В. Малинковича, с Г. Владимовым, который изливает свою ненависть ко власовцам, с ликованием рассказывая, будто народ их линчевал и разрывал в клочки! Как такие "волеизъявления" масс организуются, мы знаем... "К сожалению, не спросили воюющий народ, как он отнесется", — глумится Владимов. Это мы и были воюющий народ... Только не за Сталина, а против Сталина. А разрешение мы спросили и получили от бесчисленных жертв большевизма, из их кровавых и ледяных могил. Противны казуистические придирки, зачем Р.О.А. носила немецкую форму (ее же носили испанцы, валлоны и даже французы, сражавшиеся против коммунизма).

И этот человек чуть не 3 года руководил журналом Н.Т.С.! Зато теперь он солидаристов кроет последними словами, — за лучшее, что в их истории есть: за поддержку Власова! А нам всем он, вместе с Малинковичем, сулит неумолимую расправу и заверяет нас, что Россия нам никогда не простит. Ну — суд настоящей России, за свободу которой мы боролись в годы войны и потом, вплоть до сего дня, будет иной, чем у украинского сепаратиста Малинковича и у оставшегося внутри совпатриотом Владимова. Сей последний сообщает, что готовит книгу, где разоблачает и поносит Власова. Да зачем же тогда было и за границу выезжать?! Это — как раз то, что в СССР правительству требуется; и напечатали бы большим тиражом, и заплатили бы хорошо...

"Вечерний Звон". В сем листочке некий сотрудник с неудобопроизносимым именем жаловался на запутанность моего слога. он-де не понял, где жил Печорин. Письмом в редакцию я уточнил: в Лимерике. А там напечатали, что... в Америке! Тут же я привел анекдот о читателе-тугодуме, находившем неясной фразу: "Она на коленях просила прощения у графа" (перед ним на коленях или у него на коленях?). Набрано же оказалось: "Она просила прощения у графа на коленях". В такой форме — фраза и впрямь двусмысленна! — Можно спорить с грамотными людьми, будь у них даже странные и нелепые взгляды; но с питекантропами — нельзя!

"Наши Вести" №406. Монтерейский журнал все прочнее подпадает под власть О. Полякова, который уже целиком забрал в руки "Вече" и "Русскую Жизнь". Диву даешься! Он шельмует Белое Движение, власовцев, эмиграцию; поет гимны большевистской революции... А наша правая пресса тает от восторга и припадает к его стопам! А. Гей, пытавшийся высказать что-то свое, робко винится теперь перед Олегом Сергеевичем... Скверная дорога; и не того бы мы ждали от бывших бойцов Русского Корпуса на

Балканах.

А Олег Сергеевич тем временем рычит: "Русские люди как за рубежом так и в России в первую очередь должны думать о своих проблемах, о себе... А к проблемам других народов, других религий прислушиваться так сказать **вполуха**". Мы уж позволим себе не согласиться. Проблемы **всех** народов Российской Империи должны быть заранее решены в духе Общего Дома при равенстве прав; иначе — как мы можем надеяться на их помощь? А без нее нам не обойтись.

"22" №№ 51, 52 и 53. В превосходной юмореске "О чем стук, или халтура мое ремесло" Б. Камянов остроумно пародирует приемы, коими И. Шамир переводит Р. Чендлера в журнале "Время и Мы" (теперь он там же перелагает Джойса; надеемся, что Камянов откликнется и на сей его **подвиг новый!**). Вот пара образцов: "О чем стук? — высунулась шалава. Она лыбилась... — Где Гарри Митчелл? — Коридорная его не видяши, — сказала она почему-то с канзасским диалектом".

Д. Юст придиричиво и мелочно критикует переводы Байрона на русский язык... и тут же перевирает цитату из одного из самых известных его стихотворений! Вместо Seek out — less often sought than found... напечатано Seek — less often sought than found. Опечатка? Тогда — **очень** досадная! М. Генделев, в эссе "Подстрочник — 87", тоже толкует о технике поэтического перевода, но так манерно, вычурно и фальшиво, что — уши вянут и глаза бы не глядели!

Очерк О. Кустарева о Честертоне разочаровывает. О разнообразнейшем творчестве английского католического писателя — романах, детективных рассказах, стихах и поэмах, литературных портретах, истории Англии, скетчах и эссе, философских сочинениях — сказано мало и сумбурно. Кустарев больше заинтересован совсем не важными для нас проблемами: был ли Честертон антисемитом, и в какой мере он сочувствовал Муссолини; да еще, вскользь, — какие политические схемы из него можно почерпнуть? Нас, знающих и любящих этого глубокого и оригинального мыслителя и талантливого сочинителя и во многом разделяющих его взгляды, такие поверхностные рассуждения никак не могут удовлетворить. Заметим еще сомнительность утверждения, будто русская интеллигенция в 20-е гг. меньше знала Честертона, чем Шоу; не наоборот ли? Что до тоже упомянутого в данной связи Уэльса, — он был публике хорошо знаком; но отнюдь не весь, а лишь некоторые его произведения.

"Вестник Р.Х.Д." № 149. Поражает отсутствие Солженицына; без него журнал осиротел. Нет, в противовес обычному, и стихов

(кроме перепечатки старых стихотворений о Пушкине, — Жуковского, Бенедиктова и др.). Одобрим слова Н. Струве, в передовице, о реформах в СССР: "Перестроить общество, государство, заведенные в тупик, можно только порвав с революционной традицией". Богословский отдел в данном выпуске посвящен учению о Софии, разработанному Вл. Соловьевым, о. П. Флоренским и о. С. Булгаковым. О нем скажем, что оно, безусловно, несогласно с православием. Высказанное в форме предположения, оно может рассматриваться, при благожелательном подходе, как теологумена; если же бы на нем настаивать, — превратилось бы в ересь.

Остальные страницы, почти сплошь, заняты 150-летней годовщиной со смерти Пушкина. Из статей тут о нем самые интересные суть Д. Дарского о "Пиковой даме" и, в особенности, В. Миклашевского о предсмертных словах поэта про его преданность царю, содержащая опровержение лживых построений о якобы враждебности между Николаем I и Александром Сергеевичем, никогда не имевшей на деле места. Относительно анкеты об отношении к Пушкину, здесь напечатанной, — непонятно вовсе, почему она была предложена именно Д. Бобышеву, Н. Горбаневской, Ю. Кублановскому, Л. Лосеву, архиепископу Иоанну Шаховскому и Е. Эткинду, которые, в общем, ничего интересного не нашли сказать. Нам бы уж скорее любопытно мнение А. Солженицына. Удивляет замечание Струве, что мол у Брюсова нет особых открытий о Пушкине по причине его невежества. Брюсов, вроде бы, невежеством меньше всего страдал.

"СССР: Внутренние противоречия", №№ 15, 16, 17 и 18. Переводчик и почитатель Набокова, Г. Барабтарло, оказывает плохую услугу своему кумиру, заявляя, например, что **Набоков сильнее Толстого**. Он делает себя смешным и своего покойного патрона также. Когда же он рассыпает презрительные колкости по адресу больших писателей, как В. Астафьев и Ч. Айтматов, то сам становится не только смешон, но и гадок. У тех людей есть, что сказать. И этим они выгодно отличаются от Набокова.

А. Гершкович чрезвычайно ярко рисует поворот в подсоветском искусстве, которое частично вырвалось из-под партийного контроля и начинает говорить правду вместо лжи.

Исследование С. Максудова "Перспективы национального развития СССР" ценно по материалам; но, к сожалению, тенденциозность ослепляет автора и делает его не только несправедливым, а еще и непоследовательным. Он сердито обличает **жесткость национальной политики самодержавия**: "Преподавание в школе (кроме начальной и

религиозной) и в высших учебных заведениях велось только по-русски, изредка по-немецки". Но: 1) то же самое было тогда (да в основном и осталось) во Франции, Англии, Германии; 2) оговорка о начальных и религиозных школах как раз и означает, что мусульмане и буддисты имели свои учебные заведения (и в России как факт существовали важные культурные центры магометанской и буддийской учености), что же до финских и не исламизированных тюркских народностей, то православные миссионеры создали для них письменность, благодаря чему стал возможен их культурный рост; без того, как же бы на их языках и преподавать? Кое-что уже в царское время и делалось, в виде устройства учительских семинарий и т. п.

Зигзагов советской школьной политики мы оправдывать не будем (отмену арабского алфавита, введение латиницы, затем кириллицы), хотя и имелись к тому резоны. Но прогнозы Максудова о скором исчезновении меньшинственных языков нам кажутся сильно преувеличенными. Помимо прочего, даже в

пределах советской системы, политика может вновь измениться; да и сама эта система не обязательно вечна. А потом — у народов, даже маленьких и слабых, иногда наступает пробуждение и их жизнеспособность резко возрастает. Разумеется, там, где этого нет и когда сами родители и дети выбирают русский язык как практически более выгодный, — можно ли в чем власти и винить? Впрочем, знание русского языка в качестве второго, — и даже родного, — еще не означает денационализации. Отметим также, что наличие талантливых писателей как В. Быков по-белорусски и Ч. Айтматов по-киргизски, хотя они и пишут — частично — равно и по-русски, является как раз фактором **сохранения**, а не разрушения их родных языков и национальных традиций.

Л. Юдович живо описывает чудовищное дело о. П. Адельгейма, православного священника, по ложному обвинению заключенного в концлагерь, откуда он из-за несчастного случая (возможно, подстроенного) вышел инвалидом.

P. S. В прошлом "Обзоре" ("Г. З." № 45) ошибочно указан рецензируемый номер "Вестника Р. Х. Д.": 146, вместо 148. Имя французского слависта Л'Эрмита надо читать как Рене.

Д. ШТУРМАН

"НИЧЕГО НЕТ ЛЕГЧЕ!"

Мягкие утописты в истории всегда работают в пользу жестких, открывают им дорогу и часто погибают первыми.

В. Рыбаков. "Русская мысль" № 3409

"Вставайте, граф, — вас ждут великие дела!" — говорят, что граф Анри Клод Сен-Симон (1760—1825) приказал своему слуге будить себя каждое утро этой фразой.

Граф Сен-Симон видел собственными глазами, чем обернулась на деле триединая **формула французских просветителей и революционеров** "свобода, равенство и братство". Он наблюдал якобинский и термидорианский террор, возвышение, войны и падение Наполеона и реставрацию. Казалось бы, это могло натолкнуть проницательного свидетеля на мысль о сложности взаимоотношений между идеями времени и попытками их исторической реализации. Должна была бы несколько потесниться и вера в необратимость и неуклонность поступательного движения общества от худшего к лучшему. Естественным было бы внимательней отнестись и к смыслу этих определений — "худший" и "лучший". Однако граф Сен-Симон остался неколебимым историческим оптимистом и его вера в прогресс и во всемогущество разума не омрачилась никакими сомнениями. Столь же неколебима и его уверенность в собственной правоте, в безошибочности своих

представлений о мире, человеке и обществе. Как нельзя более ярко выражена эта уверенность в его обращении к философам и ученым¹:

"Хотите ли вы, господа, организовать? **Ничего нет легче:** выберите одну идею, к которой можно было бы отнести все остальные и из которой можно было бы вывести все принципы в качестве ее следствий.

...Эта философия, несомненно, будет основана на идее всемирного тяготения, и все ваши работы с этого момента примут систематический характер". (С—С, т. I, стр. 230. Выд. Д. III.)

"Ничего нет легче" — вот постоянный рефрен социальных утопий XVIII — XIX вв., включая марксизм. Утешительное упрощение мира, его закономерностей и взаимосвязей, его явлений и элементов — эта основа утопического мышления предопределяет и логику Сен-Симона. По его представлению, внешний и личный, то есть "большой и малый мир представляют явления, абсолютно сходные между собой; вся разница между ними только в размерах и длительности.

...Все малые миры сходны между собой в

наиболее важных отношениях: таким образом, изучая самого себя, я изучаю одновременно всех людей и, сообщая вам свои наблюдения над действиями, которые я считал полезными или вредными для моего счастья, я стремлюсь привести всех людей к гармонии; это главная цель, которую должна себе ставить философия" ("Труд о всемирном тяготении". С—С, т. I, стр. 243).

При таком подходе к своим и чужим представлениям о вреде и пользе, о счастье и горе и т. д. нет необходимости знакомиться с чьим бы то ни было толкованием этих понятий, кроме своего собственного. Все таковы, как я, — поэтому моя воля есть одновременно и выражение воли всех и каждого.

Как большинству утопистов, будущее представляется Сен-Симону абсолютно предвидимым. Как и у Маркса, Энгельса, Ленина, однозначная предсказуемость будущего отражена в сочинениях Сен-Симона в постоянной замене грамматической формы будущего времени глаголов их настоящим, а то и прошедшим временем.

"Если философ бросит взгляд на жизнь народов в прошлом, он увидит в большинстве случаев, что они борются между собой силой оружия; обращаясь к будущему, он увидит, что они соперничают между собой на трех главных поприщах: нравственности, знания и промышленности"².

Будущее можно "увидеть" с достоверностью, достаточной для того, чтобы без всяких сомнений руководствоваться увиденным.

Будучи убежденным в том, что личный и внешний ("малый" и "большой") миры развиваются по одним и тем же законам, Сен-Симон распространяет свою схему индивидуального развития на развитие нации. По его представлению индивидуальный рост сопровождают "три кризиса": в 7 лет ("кризис прорезывания зубов"), в 14 лет (половое созревание) и в 21 год (завершение морального и физического развития). "Сейчас французский народ (оказавшийся благодаря революции во главе цивилизованного человечества)... перенес свой третий кризис, и... его социальный возраст соответствует 21 году у индивидуума"³.

Сен-Симон уверенно отбрасывает "ложное и подавляющее бодрость представление, что добро предшествовало злу"⁴. Добро в его "малых" и "большом" мирах неуклонно растет, и движение из настоящего в будущее синонимично автоматическому накоплению блага.

Судя по его сочинениям, в "малом мире" самого Сен-Симона господствовала благожелательность по отношению ко всему человечеству, и это свое качество он великодушно

приписывает большинству людей. Однако в обществе есть слои, на которые его благожелательность не распространяется, и, как мы увидим ниже, эти слои обречены на исчезновение. Как они будут ликвидированы, их гонитель читателям не разъясняет.

Насколько надежны его прогнозы, современники и исследователи Сен-Симона могли бы увидеть достаточно рано, исходя из степени прозорливости тех его пророчеств, которые связаны с судьбами Франции и Англии. Сравнивая перспективы мирного установления совершенного социального строя в Англии и во Франции, Сен-Симон решительно утверждает преимущества Франции. Английские пролетарии, пишет он, "одушевлены чувствами, толкающими их к использованию первых представляющихся поводов, чтобы начать войну бедных против богатых, в то время как французские пролетарии вообще проявляют преданность и благорасположение к богатейшим промышленникам" (С-С, т. I, стр. 324).

Между тем в XIX веке в Англии не было ни одной революции "бедных против богатых", а во Франции? На рубеже века, в 1830-м, в 1848-м и в 1871 гг...

Однако, по убеждению Сен-Симона, именно "из превосходства французских пролетариев над пролетариями других наций (как в отношении добрых чувств, так и в отношении твердости познаний) вытекает общее превосходство французской нации над другими народами" (С-С, т. I, стр. 324).

Обращаясь со всеми своими проектами прежде всего к французскому королю, Сен-Симон много раз повторяет, что все его предложения должны осуществляться мирными средствами. В этом сказывается, очевидно, свежесть воспоминаний об издержках революционного преобразования французского общества. Тем не менее, требуя всепроникающего изменения привычного способа существования нации, Сен-Симон замечает, что "это изменение должно совершиться именно резко и сразу". (С-С, т. II, стр. 346. Разрядка Сен-Симона).

Обосновывая желательность и возможность резкого и быстрого перехода к новому строю, Сен-Симон использует свой излюбленный метод доказательства — распространение хода событий прошлого на будущее. Но беда в том, что истинное течение событий прошлого предстает в этой экстраполяции решительно искаженным. Сен-Симон утверждает, что политеизм сменился монотеизмом "резко и сразу"; так же и римская "власть консулов и проконсулов была сразу заменена властью вождей" германских племен. Так же "рабство сразу изменило свой характер", сменившись крепостничеством. Процессы сложные, многоаспектные и разнообразные,

в разных конкретных случаях весьма растянутые во времени (на протяжении ряда поколений) представляются Сен-Симону изданы сжатыми до некоего точечного скачка. Затем из приведенных выше примеров снова следует решительный вывод в том, что изменения системы происходят сразу.

Не является ли, однако, это нетерпеливое и категорическое **"резко и сразу"** и притом **глобально, на всем общественном поле**, одной из главных особенностей направления мысли, развившегося в марксистский социализм?

Что же именно хочет насадить в обществе Сен-Симон **"резко и сразу"**? Его проект достаточно строен и прост на бумаге для того, чтобы в своем законченном виде оказаться неосуществимым как некое целое в нестройной и непростой реальности.

В рассуждениях Сен-Симона есть отдельные реалистические соображения относительно упорядочения некоторых конкретных сторон национально-хозяйственной жизни, в первую очередь аграрной. Иногда кажется, что Сен-Симон поглощен лишь установлением **"идеального буржуазного права"** (К. Маркс) во всех сферах отечественной экономики и что в этом смысле его нетерпение лишь опережает процессы, которые развернутся в Европе в XIX — начале XX вв. Но стоит нам выйти вместе с автором за пределы его чисто хозяйственных и некоторых других сугубо конкретных размышлений и предложений, как мы попадаем из житейских будней в хорошо нам знакомое по предыдущим утопиям царство централизованного совершенства. Единый и всеобъемлющий план, как некий Молох, пожирает на наших глазах общественную свободу и независимость граждан.

Главная идея Сен-Симона состоит в том, чтобы, сохранив на вершине иерархии королевскую власть, исключить из этой иерархии аристократию и бюрократию, как старую, так и новую, и все административные (хозяйственные и политические) полномочия передать промышленникам, коммерсантам и финансистам. Сен-Симон безоговорочно уверен в умственном и нравственном превосходстве буржуазии над аристократией и не сомневается, что буржуазия с помощью ученых и людей искусства сумеет собственноручно организовать государственные дела к наибольшей пользе всего общества.

"...народная пирамида должна быть возглавляема королевской властью, но мы утверждаем, что от основания пирамиды и до ее вершины слои должны состоять из все более и более ценных материалов. Когда же мы рассматриваем современную пирамиду, нам кажется, что ее основание из гранита, что до известной высоты ее слои состоят из очень ценных материалов, но что ее верхняя

часть, поддерживающая великолепный алмаз, есть не что иное, как позолоченный гипс (С—С, т. II, стр. 330).

Далее следует такая классификация современных автору общественных отношений, господствующих во Франции:

Основание пирамиды — **"рабочие, занимающиеся ручным трудом"** (ручной труд следует понимать как труд физический); **"первые слои"** — **"руководители промышленности, ученые... и люди искусства"**.

"Верхние слои" (**"простой гипс"**) — **"придворные ...вообще все дворяне, старые и новые ...богатые туземцы ...правители, начиная с первого министра"** (С—С, т. II, стр. 330—331).

Для достижения совершенного строя необходимо **"резко"** и **"сразу"** **"убрать"** весь **"гипс"** и возложить прямо на **"очень ценные материалы"** **"алмаз королевской власти"**.

Каждому из высоких слоев иерархической пирамиды, кроме рабочих, поручается в утопии Сен-Симона, **помимо их повседневной, так сказать, классовой деятельности, своя управленческая задача.**

Правительственную власть во главе с королем Сен-Симон предлагает свести к преследованию **"бездельников, которые всегда будут склонны нарушать общественный порядок"** (С—С, т. II, стр. 337), оставляя за королевским правительством чисто полицейские и военные функции.

Ученые, избранные для этого королем, делятся на две группы. Одна из них должна заняться **"составлением хорошего кодекса интересов, а другая — разработкой кодекса чувств"** (С—С, т. II, стр. 357).

Поразительна, с одной стороны, жестокость, с которой Сен-Симон полагает возможным **"резко и сразу"** выбросить из жизни целый общественный слой, точнее — слои. С другой стороны, ошеломляет наивность, позволяющая ему надеяться централизованно изобрести или отобрать полезные интересы или хорошие чувства и тут же внушить их каждому члену общества (за редкими криминальными исключениями).

"Кодекс интересов" для всех членов общества разрабатывается с помощью экономистов, а **"кодекс чувств"** — с помощью **"моралистов и теологов"** (С—С, т. II, стр. 357). К создателям **"кодекса интересов"** и **"кодекса чувств"** присоединяются еще и юристы — для обеспечения правового характера внедрения обоих кодексов. Во главе всего процесса, над академией наук (**"кодекс интересов"**) и академией искусств (**"кодекс чувств"**) должна стоять академия философии — высший орган власти духовной, какую представляют собой совокупно все три академии.

"Руководство светской властью должно

быть поручено самым значительным сельским хозяевам, фабрикантам, торговцам и банкирам" ("совет промышленников", имеющий "право включать в свой состав служащих", которых сочтет отличившимися и достойными) (С—С, т. II, стр. 359).

Этой администрации будет поручено "оставление, рассмотрение и приведение в исполнение полезных для населения проектов. ...В этом великом деле люди искусства, люди с богатым воображением пойдут впереди" (С—С, т. II, стр. 335).

"Ученые... докажут возможность большого подъема благосостояния всех классов общества, как самого многочисленного класса пролетариев, так и класса самых богатых людей. Они выяснят наиболее верные и быстро действующие средства обеспечить непрерывность труда массы производителей; они разработают основные начала общественного образования, они установят законы гигиены социального организма, и в их руках политика станет дополнением к науке о человеке.

Самые выдающиеся промышленники, сосредоточивая все свои мысли на производстве, обсудят, что может быть немедленно проведено в жизнь из тех проектов, которые задуманы и разработаны в общественных интересах совокупными трудами людей науки и искусства; они обдумают средства исполнения и руководство ими предоставят банкирам, стоящим всегда во главе финансовых дел" (С—С, т. II, стр. 336).

Это "путь административной власти — твердый, прямой и честный..." (Там же, стр. 336).

"...Королю будет угодно поручить высшее руководство общественными делами промышленной администрации, расходы по управлению... чрезвычайно уменьшатся" (Там же, стр. 341).

Таким образом, все честные промышленники, коммерсанты и финансисты заняты, в действительности, делами общими, и все дела государства решаются представительными органами этих слоев населения централизованно. "Кодекс интересов" и "кодекс чувств" для каждого гражданина, о которых сказано выше, призваны обогатить и гармонизировать жизнь всех членов общества. Поскольку, в глазах Сен-Симона, все "малые миры" (личности) решительно сходны между собой, то и очистительно-возвышающая стандартизация их интересов и чувств представляется ему задачей несложной. Но современному человеку трудно забыть, что наиболее полная попытка стандартизации интересов и чувств была произведена в Камбодже "красными кхмерами". Там предписывалось улыбаться при казнях близких и слезы на глазах зрителей рассматривались как госу-

дарственное преступление (с теми же последствиями!). Известная степень поведенческого и духовного единообразия насаждается при любом тоталитарном режиме. Разумеется, Сен-Симон предусматривает внушение обществу только правильных и возвышенных интересов и чувств. Но сами понятия правильности и возвышенности определяются его верховными учреждениями. Они не могут соответствовать всем субъективным критериям и поэтому не могут не быть насильственными. Смена интересов и чувств представляется Сен-Симону чем-то подобным распространенной в нынешней научной фантастике замене блоков сознания у роботов: один блок вынул — другой поставил. Мысль же о непреодолимых трудностях централизованной выработки программы действительно оптимальных не только интересов, но еще и чувств не посещает Сен-Симона вообще.

Ранние утописты были весьма проницательны, когда предполагали, что насаждаемые ими "правильность" и единообразие потребуют жесточайшего принуждения. Сен-Симон благодушен и лишен подозрительности: ведь его "кодексы" безошибочны и прекрасны; их составителям они нравятся, а все сознания (все "малые миры") устроены одинаково; кто же будет отказываться от этих "кодексов"? Поэтому и предусмотрено лишь правовое, а не насильственное насаждение хороших интересов и чувств.

Многообразные социализмы конца XVIII—XIX—XX вв. сохраняют в теории простодушное убеждение, что они должны (и будут!) нравиться подавляющему большинству своих подопечных. Поэтому обязательность для всех членов общества одной господствующей идеологии не связывается в их обещаниях и пророчествах с постоянным насилием. Но от всей массы намерений и надежд, которые обуревают социалистов-теоретиков, еще не видевших претворения своих надежд в действительность, у социалистов-практиков и победителей остается только уверенность в своем праве навязывать всему обществу свою игру. Почему так? Потому что все прочее: централизованная выработка наилучших программ миропонимания, чувствования и поведения; централизованное же "резкое и скорое" воспитание из каждого гражданина "правильно" мыслящего и "правильно" чувствующего человека; своевременное, безошибочное и тоже централизованное планирование и проведение в жизнь наилучшего варианта всех протекающих в обществе социально значительных процессов — НЕВЫПОЛНИМО. Но без абсолютной централизованности управления (в качестве предварительного условия всеблагого порядка) — как же достичь всеобъемлющей плановости и все предусматривающей рациональности нашего

разноголосого бытия? Это предварительное условие выполнимо, и оно выполняется. Последующие шаги построения идеального общества невыполнимы, и они, естественно, не осуществляются.

Но, обретя власть, люди, как правило, отказываются от нее не хотят. И, став монопольными правителями, вчерашние спасатели человечества делаются всего-навсего яростными охранителями как-то сколоченного ими порядка, дающего им исключительные полномочия и преимущества.

Новейшие социалистические теории чаще всего связаны с решением судеб пролетариата. Какое место занимает пролетариат в утопии Сен-Симона?

Отношение протосоциалиста Сен-Симона к пролетариату отличается некоторой непоследовательностью. С одной стороны, он уверяет, что французские пролетарии уже доказали свою способность управлять собственностью (С—С, т. II, стр. 318) и что пора поэтому создать такие экономические обстоятельства, чтобы как можно большее число пролетариев постепенно обрело собственность. С другой стороны, он замечает, что "для класса пролетариев воспитание бесконечно важнее образования" (С—С, т. II, стр. 324), что надо бы в ближайшие десять лет "обучить чтению, письму и счету всех пролетариев Франции" (там же), что "их можно было бы... обучить немного рисованию и музыке и использованию изящных искусств как средства воодушевления на всеобщее благо" (там же). Сен-Симон несколько раз предлагает признать пролетариев "равноправными членами общества" и "произвести революцию в собственности", которая "призвала бы ко владению большее число пролетариев", но как это сделать, не говорит. Сказано только, что **предварительно** пролетарии "неизбежно должны показать себя способными к управлению собственностью" (С—С, т. II, стр. 361—362). Но **как** они могут это сделать, не имея собственности?

Советские авторы всегда отмечают в качестве слабости учения Сен-Симона сохранение им частной собственности на землю и средства производства. Но тут же смягчают его вину, напоминая, что частная собственность не помешала Сен-Симону ввести в систему всеобъемлющую централизацию, сводящую частнособственнические слова к пустой формальности. И они правы. Частная собственность Сен-Симона есть скорее форма государственного поручения, чем атрибут независимой хозяйственной деятельности.

При этом, как и в более ранних утопиях, механизма, который позволил бы обществу как-то контролировать стоящие над ним управляющие инстанции, в его проекте нет.

Можно было бы предположить, что Сен-Симону затем и нужна в его совершенном обществе королевская власть, чтобы она, стоя выше всех прочих правительственных институтов и не будучи связанной ни с одним слоем народа больше, чем с прочими, контролировала качество управления. Однако и королевская власть должна во всем руководствоваться рекомендациями своих советников. Впрочем, король необходим, по Сен-Симону, и для того, чтобы дать "начальный толчок" новой вселенной: сломать старую машину власти, изгнать из общества аристократию и бюрократию и отобрать достойнейших граждан в новые органы управления, которые затем станут фактически и над королем.

Подобно большинству протосоциалистов и социалистов, Сен-Симон неизменно смешивает формулировку задачи с изложением способа ее решения, принимая первое за второе.

"...Закон должен установить такую политическую систему, в которой управление общими интересами будет поручено людям, отличающимся наиболее положительными и наиболее полезными обществу способностями; правительство должно применять распорядительные действия только по отношению к таким людям, поведение которых угрожает возмутить общественный порядок" (С—С, т. II, стр. 319).

Или: необходимо добиться того, "чтобы управление общественным достоянием находилось в руках людей, наиболее способных к управлению и наиболее заинтересованных в том, чтобы управлять хорошо, т. е. в руках людей, занятых в наиболее важных отраслях промышленности, и благодаря этим основным законоположениям общество получит организацию, вполне удовлетворяющую разумных людей всех общественных классов" (С—С, т. II, стр. 327).

По ходу чтения этих рекомендаций возникает вопрос: как и на основании каких критериев следует отбирать людей, "отличающихся наиболее положительными и наиболее полезными обществу способностями", "наиболее способных к управлению и наиболее заинтересованных в том, чтобы управлять хорошо"? Кто будет производить отбор? Из чьих и каких кандидатов?

Сен-Симону представляется, что этот вопрос им решен. Он утверждает, что "люди, которые вызвали революцию, те, которые ее направляли, и все те, которые с 1789 г. и до нашего времени были вождями народа, совершили огромную политическую ошибку. ...Они должны были бы начать с постановки **вопроса, который очень просто и легко разрешить**" (С—С, т. II, стр. 328. Выд. Д. Ш.).

Они должны были понять, "кто те люди, которые при данном состоянии нравов и

просвещения наиболее способны хорошо руководить национальными интересами?". И тогда "они заключили бы, что людям науки, искусства и промышленности и следует вручить административную власть, т. е. заботы о руководстве национальными интересами, функции же правительства следует свести к

поддержанию общественного спокойствия" (Там же, стр. 329).

Иными словами, надо заменить одних управляющих другими, **иного классового происхождения**, — и все управленческие проблемы будут разрешены.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. К. Сен-Симон, "Избранные произведения в двух томах". Изд. АН СССР, М—Л, 1948. В дальнейших ссылках обозначается С—С, том и страницы указываются в тексте. ² С—С, "Об общественной органи-

зации". Цит. по книге "Экономическая система социализма в ее развитии. Сен-Симон, Фурье и их школы". Составитель В. Семенов. М—Л, 1926. Стр. 88—89. ³ Там же, стр. 88. ⁴ Там же, стр. 89.

"НОВЫЙ МИР" №№ 1—2, 1987

Мы присутствуем при рождении нового культа личности. С. Залыгин в статье "Поворот" тает от восторга перед товарищем Михаилом Сергеевичем Горбачевым. За что? А тот отменил намечавшийся брежневский поворот рек! Оно и хорошо; да только... Вспоминается анекдот. Бедный еврей жаловался, что тяжело жить с большой семьей в хибарке в одну комнату. Раввин посоветовал ввести туда же козу и свинью; а потом позволил их убрать. И спросил: "Лучше ли теперь?" Ясно — стало лучше. Советская власть столько напакостила россиянам, что, отменяя (не временно ли?) одну какую-нибудь мерзость, очередному вождю легко снискать себе популярность.

Большая повесть Д. Гранина "Зубр" описывает жизнь генетика Н. Тимофеева-Ресовского. Выдающийся ученый, Тимофеев-Ресовский был плохим политиком: оказавшись в Германии в момент вторжения советских войск (некогда его послали из Советской России в командировку, и он там задержался; причем немцы ему не мешали работать и ни в чем не стесняли), он решил вернуться в СССР, хотя вполне мог бы уехать на Запад. Понятно, угодил в концлагерь, где чуть не умер от голода, по примеру своего коллеги Н. Вавилова. Однако его выпустили, и он продолжал до конца дней трудиться в своей области. Попутно упоминаются его дворянские предки, тесно соприкасавшиеся с историей Российской империи. Отметим крайнее невежество Гранина во всем, что касается русской эмиграции. Один образец: известного поэта С. Маковского он называет... художником (живописцем, правда, был его отец).

По вине ли писателя, нет ли, но глубокая ложь заключена в том, что ужасы лысенковщины, расправа с генетиками и т. п. даются так, словно бы их не советский режим творил, а некий чужой дядя! Все это мол — прошлое. Недавнее прошлое; не вполне прошедшее прошлое... Те же люди правят, та же система царит, та же партия командует.

№1 журнала посвящен Пушкину. Выделяется этот "Пророк" В. Непомнящего — одного из самых способных сейчас пушкинистов России, автора книги "Поэзия и судьба". Переводя вопрос в сферы философии и абстракции, он говорит вещи, которые большевизму — не в бровь, а прямо в глаз,

высмеивая, в частности, сведение в официальной советской критике творчества Пушкина к "социальному протесту, вольнолюбию и тираноборчеству" и опровергая различные установившиеся в эссэровской пушкинистике клише. Мимоходом, по поводу "Бориса Годунова", он роняет смелые и важные мысли весьма актуального характера: "Любовь или нелюбовь (рано или поздно пробуждающаяся) — вот в чем основа того, что Пушкин называет "мнением народным". Царевница не понимает этого". О Годунове ли речь? О нем ли одном? Далее о нем же говорится, что он "удивляется и возмущается тем, что, убив младенца-царевича и узурпировав престол, не может купить за "злато" и за "новые жилища" "народную любовь". Непомнящий добавляет: "Удивляться тут нечему!"

Рядом — статья завоевавшего с бе недобрую славу Н. Эйдельмана "Уход". Мораль ее та, что Пушкин, затравленный обществом, в последние свои годы искал смерти, и если бы не Дантес, его бы убили на другой дуэли. Автор забывает, что поэт вообще был непрочь от дуэлей и смолodu имел их кучу (а чаще еще — они улаживались, не доходя до поля). Обиды же Пушкина были, мол, в том, что его сверстники и друзья быстрее него продвигались в чинах, да в том, что публика его разлюбила и предпочитала Булгарина. Словом, все то самое, о чем толкует В. Непомнящий: поиски пресловутого "социального протеста"! А уж с какой злобой Эйдельман отзывается о русских царях, — не перескажешь; это надо прочесть! В общем, — вчерашний день русской пушкинистики. Дай Бог, чтобы талантливый В. Непомнящий оказался предтечей новой в ней эры!

Небезыntересная статья Э. Бабаева об Ахматовой как пушкинистке подтверждает факт, что оценки этой последней бывали часто чрезмерно субъективны. А. Лацис разбирает любопытный эпизод из жизни пушкинского современника и знакомого, генерала П. Киселева. Его живо написанный очерк увлекателен почти как детективный рассказ; хотя ему несколько вредит правoverный советский дух. Очень неплох обзор западной пушкинистики под пером Н. Гальцевой и И. Роднянской, озаглавленный "В подлунном мире".

В. Рудинский

Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?

Ян Прохазка

*Плохие свойства человека как такового?
Плохие руководители? Плохие народы? Плохая история?
Может ли централизованное в масштабах государства
производство и распределение сосуществовать с правами
человека и со свободным обращением информации в обществе?
И ПОЧЕМУ МОЖЕТ ИЛИ НЕ МОЖЕТ?*

На эти вопросы отвечает
КНИГА ДОРЫ ШТУРМАН
"НАШ НОВЫЙ МИР"
ТЕОРИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ. РЕЗУЛЬТАТ

Рукопись книги, циркулировавшая в Самиздате с начала 1970-х гг., была нелегально вывезена из СССР. Автор, выехавший вслед, издал ее в 1981 году, дополнив (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно показали достоверность "подпольного" анализа. Новое издание расширено и дополнено материалами 1980-х гг., еще более четко подтвердившими первоначальные прогнозы.

Объем книги — 460 страниц. Цена — 15 долл. Пересылка в Европу и США морской почтой — 1,7 долл.; авиапочтой: в Европу — 2,5 долл., в США — 3,5 долл. Книгу можно получить, отправив чек по адресу: S. Tictin, 422/6 Mizrah Talpiot, Jerusalem 93802, Israel.

М. М. РОЗАНОВ

**СОВЕТСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ В МОНАСТЫРЕ
1922 — 1939 годы**

Книга первая. Издание автора, 1979, 302 стр. Стоимость 9 дол. **Книга вторая.** Издание автора, 1980, 176 стр. Стоимость 7 долл. Заказы направлять по адресу:

**Mr. Rozanov, P.O.Box 21, Sta F. Buffalo,
N. Y. 14212, USA.**

**БЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

